

Глава 10. Сто лет прошло.

А в «котле ведьм» – то же варево...

*Каждый мошенник рассчитывает на плохую
память того, кто должен быть обманут.*

Юлиус Фучик

Вместе со столетием окончания русско-японской войны подошло и 60-летие окончания Второй мировой. Вроде бы настали совсем иные времена — Япония не имеет права на сильную армию и флот, все ее аппетиты в соответствии с решениями стран-победителей введены в сугубо мирные рамки, справедливость на Дальнем Востоке восстановлена — живи да радуйся!

Для радости были, в общем, все основания до тех пор, пока не началась «катастрофа». Разрушение Советского Союза и превращение России в лакея Запада возродило коллизии начала XX века. Но — в неизмеримо худшем варианте.

Прослеживая образование «котла ведьм» в конце XIX века, нетрудно заметить, что Россия, несмотря на все объективные законы империалистической экспансии, проводила в общем миролюбивую политику — по сравнению со всеми остальными «ведьмиными кухарками». За что и была наказана. А за «добрососедские отношения» с Японией постоянно приходилось платить территориальными уступками.

Российско-японский договор от 1855 г., оставшийся в истории дипломатии как «Симодский трактат», подписанный под влиянием Крымской войны, отдавал Японии четыре наиболее важных как в экономическом, так и в стратегическом отношении острова Курильской гряды и к тому же оставлял возможность претендовать на Сахалин.

Договор 1875 г. отдавал Японии уже все Курилы взамен на отказ от претензий на Сахалин. «Добрососедство», заключавшееся в основном в возможности захода наших кораблей в японские порты (особенно Нагасаки), растаяло, как только началось энергичное «размешивание ведьминоного варева». А Курилы уже застряли в японских загребущих руках! Так что, спрашивается, получил царь от «умиротворения» японских аппетитов? Русско-японскую войну, принесшую дальнейшие территориальные, людские и материальные потери, не считая величайшего позора и потери статуса великой военно-морской державы, а кроме того — постоянный нарыв на дальневосточных рубежах, поскольку микадо-самурайская Япония после 1905 г. всерьез возомнила себя великой державой. Как же, такого гиганта, как Россия — и поставили на колени!

Царя отправили в историю. Самураев вполне убедительно «умиротворили» в 1938, 1939 и 1945 гг. Но, зная законы «мирового сообщества» (читай: буржуйского гадючника), уже в 1945 г.

было видно, что «ведьмино варево» будет размешиваться и дальше.

Прежде всего, окончание войны на Дальнем Востоке разительно отличалось от окончания войны в Европе. Именно, зоны оккупации в Европе образовывались главным образом по фактическому занятию территорий побежденных стран в ходе боевых действий. Правда, и здесь со стороны Советского Союза делались серьезные уступки — так, раздел Берлина и Вены на зоны был «подарком» союзникам, не потерявшим при взятии этих городов ни одного солдата — фашизму здесь ломала шею Советская Армия. Ломала дорогой ценой — Берлин немцы защищали с яростью обреченных, а Вену наши войска брали, практически не используя авиацию и артиллерию — был приказ сохранять город как величайшую культурную ценность и всячески щадить мирное население. Что это значит с военной точки зрения, объяснять не надо. Элементарный вопрос — хоть один город, занятый войсками союзников, был ли разделен на зоны оккупации, подобно Берлину и Вене? Вне всяких сомнений, очень не помешала бы советская зона оккупации, скажем, в Риме или Афинах. Подобные вопросы в Ялте даже не ставились на обсуждение! А ведь соотношение сил стран-победительниц в Европе настолько явно обозначало перевес СССР, что наша позиция в Ялте могла быть куда более жесткой! Но мы не играли по правилам «гадючника».

Дальневосточная ситуация по соотношению сил существенно отличалась от европейской. Япония (исключая острова Рюкю) была оккупирована не в ходе боевых действий, а через две недели после подписания капитуляции. Ни в Ялте, ни в Потсдаме вопрос о создании зон оккупации в Японии не ставился. Этому «всеми фибрами» противились США. «Холодная война» фактически началась уже в Потсдаме, когда Трумэн принялся размахивать перед Сталиным атомной бомбой.

В результате американские войска под командованием генерала Макартура оккупировали Японию единолично, хотя формально представляли интересы всех стран, воевавших с Японией. Подписав безоговорочную капитуляцию, Япония тем самым как минимум приняла условия Потсдамской Декларации.

Перед победившими Японию державами стояла задача такого послевоенного урегулирования в этой стране, которое предотвратило бы ее возрождение как агрессивной силы. Практически эта цель была достигнута на первом этапе оккупации (1945-47 гг.) благодаря относительному единству среди стран-победителей. В эти годы общественное мнение США еще помнило Пирл-Харбор и японский «оборонительный периметр», а заодно и драп Макартура с Филиппин. Посему оно поддерживало курс на максимальное ослабление Японии как возможного в будущем противника.

В Японии была введена одна из самых демократических в мире буржуазных Конституций, написанная специалистами Пропагандистского отдела штаба Макартура и переведенная на японский (сами японские юристы подготовили несколько вариантов Конституции, с которыми страны-победители не могли согласиться). Не решившись на ликвидацию института власти микадо, авторы Конституции ограничились ее декоративными функциями. Конституция провозглашает отказ Японии от решения внешнеполитических проблем военным путем и запрещает ей иметь Вооруженные силы.

Преобразования 1945-47 гг. освободили японский империализм от его угрожающих военно-феодалных характеристик, открыли возможность ускоренного экономического развития. Однако США не спешили с подписанием мирного договора и прекращением оккупации: их устраивало эластичное бездоговорное положение Японии в условиях «холодной войны». За возможность быстрого экономического роста японцы должны были платить политическим лакейством перед США!

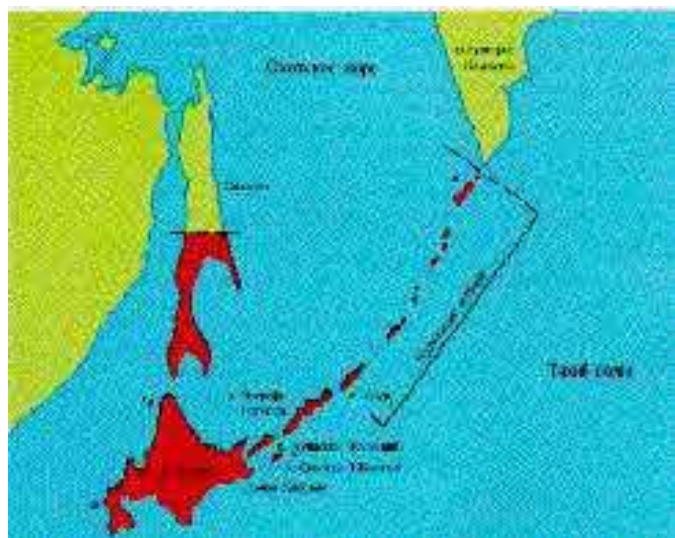
На втором этапе оккупации (1948-51 гг.) Вашингтон делает ставку на превращение Японии в своего союзника на Дальнем Востоке (вместо гоминьдановского Китая, доживающего последние дни). С этой целью США всячески благоприятствуют проамериканским силам в Японии и активно вмешиваются в ее внутрен-

нюю политику, создавая максимум трудностей для деятельности левых партий. После проведения ряда профилактических мероприятий, обеспечивающих лояльность японского правительства (между прочим, совпавших по времени с оголтелой «охотой на ведьм» в самих США), Вашингтон вынес на международную конференцию 1951 г. в Сан-Франциско проект Мирного Договора победителей с Японией. На конференции, созванной в разгар корейской войны, неизбежно должны были возникнуть разногласия по тексту Договора.

Всего в работе мирной конференции участвовало 52 страны. Сам состав участников говорил о том, что американцы намерены беззастенчиво диктовать свои условия. Так, ряд стран, пострадавших от японской агрессии в наибольшей степени, приглашены вообще не были (КНР, КНДР, МНР, ДРВ). Индия и Бирма отказались от участия. Однако были представлены все латиноамериканские страны и вдобавок Люксембург (!!). Большинство, тем самым, заранее было обеспечено как проамериканское. Естественно, в таком составе конференции не приходилось рассчитывать на какие-либо поправки в заранее подготовленном госдепартаментом США проекте Договора. Попытки советской делегации поставить ряд поправок на обсуждение успеха не имели. Особенно острым оказался вопрос о сохранении на территории Японии американских военных баз — наша делегация вполне резонно обнажила ханжеское

намерение США использовать мирный договор как прикрытие для своих устремлений к абсолютному господству в азиатско-тихоокеанском регионе.

С одной стороны, в статье 2 проекта мирного договора прямо говорилось: *«Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года».*

Территории, отошедшие к Японии по Портсмутскому договору (все Курилы и южный Сахалин, получивший японское название Карафута)

С другой стороны, встретив решительные возражения советской стороны против сохранения в будущем на японской территории своих военных баз, американцы принялись закулисно намекать японцам о поддержке их притязаний на указанные территории.

Знакомые мотивчики, не правда ли? Так и представляется Портсмут, где приснопамятный Сергей Юльевич Витте с превеликим удовольствием поигрывал между делом на бирже! Только если в Портсмуте явственно слышались залпы орудий главного калибра японских броненосных крейсеров, прикрывающих высадку своих головорезов на Сахалин, то в Сан-Франциско нельзя было не слышать канонады в Корее, где военные действия шли несколько не по тому сценарию, который был расписан американцами. Помощь КНДР со стороны СССР и КНР оказалась весьма действенной! В результате главной «надеждой и опорой» американцев в «холодной войне» на Тихом океане оказалась злополучная Япония.

Двусмысленность «американского миролюбия» была настолько очевидной, что конференция в Сан-Франциско вполне могла зайти в тупик, если бы не пресловутое марионеточное проамериканское «большинство». Оказавшись перед перспективой подписания договора, явно ущемляющего государственные инте-

рессы СССР, наша делегация демонстративно покинула Сан-Франциско.

Сегодня многие аналитики осуждают этот шаг советской дипломатии как недалновидный — ведь отсутствие подписи Советского Союза под мирным договором якобы освободило Японию от обязательств по отношению к СССР, записанных в этом договоре. Но это чистая казуистика — под Сан-Францисским договором *стоит подпись Японии*, следовательно, она обязуется выполнять все его статьи независимо от остальных подписантов. Тем более, что вскоре после окончания конференции (18 октября 1951г.) японский премьер Иосида Сигэру сделал совершенно недвусмысленное заявление в парламенте, прямо касающееся Сахалина и Курил: *«Согласно положению, содержащемуся в Сан-Францисском договоре, Япония отказалась от суверенитета и правооснований на Курильские острова и Сахалин. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступать, Япония не имеет теперь права вмешиваться».*

Вроде яснее некуда!

Но — это для нормальных людей. А ведь «гадючник»-то продолжал функционировать! По Сан-Францисскому договору Япония отказывалась от ряда захваченных и приобретенных ею территорий (Курил, Южного Сахалина, Тайваня и др.), но *без указания стран*, которым эти острова передавались. Архипелаг Рюкю

(острова Окинава и прилегающие к нему) оставался под административным управлением США. Предусматривалась выплата репараций Японией жертвам ее агрессии, но без указания размера репараций и порядка их выплаты (предлагалось решать этот вопрос на основе двусторонней договоренности). Мирный (!) договор не предусматривал вывода американских оккупационных войск с японской территории. В нем не было даже конституционных положений о демократизации и военных ограничениях на Японию. Т.е. все двусмысленные (а на самом деле — вполне антисоветски осмысленные) статьи, с которыми решительно не согласилась советская делегация во время конференции, оставляли кучу возможностей для гадючьих устремлений.

Таким образом, после 6 лет оккупации в результате Сан-Францисской конференции Япония превратилась в субъекта «холодной войны» на стороне США. Но этого «дядюшке Сэму» было мало! Многосторонний Сан-Францисский договор после закрытия Конференции был дополнен двусторонним японо-американским Пактом безопасности. В соответствии с его статьями США брали на себя обеспечение «безопасности Дальнего Востока». Как будто коллективного соглашения о той самой безопасности было недостаточно! От кого, спрашивается, брались «обезопасить» Дальний Восток «добрые дяди» из-за океана? Пожалуйста: от «внутренних беспорядков» в самой Японии (читай — левых сил), а заодно и от

«внешней угрозы» (читай — советской) за счет дислокации на японской территории военных баз. Задачи, решаемые дислоцируемыми на базах войсками, Японии уже не касались — в двустороннем пакте прямо указывалось, что США не обязаны консультироваться с Токио по вопросам их использования. Пакт, кроме всего прочего, был бессрочным без права одностороннего выхода из него Японии. Ай да «благодетели»!

Несчастливая японская гейша вроде бы собралась по итогам Сан-Франциско отдаться дядюшке Сэму вполне добровольно, но онный дядюшка пожелал ее публично и крайне грубо изнасиловать. И вполне успешно исполнил свое скотское намерение!

Ну и что же дальше? Бедная использованная гейша возненавидела своего обидчика? Ничуть не бывало! Она возненавидела как раз того, кто пытался ему помешать, то есть Советский Союз!

Вся дальнейшая деятельность японской дипломатии превратилась в раздувание «проблемы северных территорий».

Поначалу статья Сан-Францисского договора переименовывалась чисто «шулерским» способом — якобы зафиксированный в договоре отказ от претензий на Курилы не означает отказа от претензий на четыре южнокурильских острова (отошедших в свое время к Японии по договору с Россией от 1855 г.) на том основании, что эти острова не должны считаться принадлежащими к Курильской гряде, поскольку прилегают к побережью Хоккайдо.

Этот бред не воспринимался всерьез даже самыми яркими антисоветчиками, поскольку первый же взгляд на довоенные японские карты и лоции делал ложь очевидной — все Курилы, включая самые южные, именовались там как одна административная единица «Тисима» (в переводе — «тысяча островов»).

А более реальные политики не могли не вспомнить, что в 1945 г. не южные Курилы следовало рассматривать как принадлежность Хоккайдо, а совсем даже наоборот — Хоккайдо был бы вполне логичным продолжением Курил, если бы не сталинское «возвращайтесь»!

Да что там — довоенные лоции! На следующий день после заявления премьера Сигэру в японском парламенте, пресекая возникновение противников ратификации Сан-Францисского договора, заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура заявил: *«Я считаю, что территориальные пределы Курильских островов, о которых говорится в договоре, включают в себя как северные, так и южные Курильские острова».*

Это — 19 октября 1951 г.

Таким образом, с точки зрения как международного права, так и с точки зрения собственных политиков, подписавших и ратифицировавших Сан-Францисский договор, никаких «северных территорий» у Японии нет и быть не может. Соответственно и никакой «проблемы северных территорий» не существует.

Однако — это ежели считать, что Япония — не грубо изнасилованная гейша, а порядочная женщина. А ежели принять во внимание, что указанная проблема возникла в условиях «холодной войны» как продукт грубого насилия, и ее «отцовство» принадлежит Вашингтону, то о деяниях «порядочной женщины» придется забыть.

США была совершенно не нужна нормализация советско-японских отношений после 1951 г. Почему? Ответ очевиден. Она ставила под вопрос необходимость и целесообразность американского военного присутствия в Японии, а с ним — и гегемонию США на Тихом океане. Поэтому процесс ратификации Сан-Францисского договора в Вашингтоне выглядел существенно иначе, нежели в Токио. Сенатом США при ратификации Сан-Францисского договора была принята специальная резолюция, что «ничто в этом Договоре» не может истолковываться в пользу СССР.

Следующее пятилетие, как известно, было отмечено обострением международной напряженности и всемерным «раздуванием» холодной войны, сплошь и рядом дававшей локальные вполне «горячие» вспышки. Оно вместило в себя лихорадочное сколачивание американцами военных блоков (в первую очередь — НАТО, образованного еще в 1949 г.), раскручивание ими же адского маховика гонки ракетно-ядерных вооружений, всемерное препятст-

вование образованию социалистического лагеря, бесконечные повсеместные провокации.

Немалые надежды на радикальные успехи в политике Запад связывал со смертью И.В. Сталина — не случайно накануне 35-й годовщины Великого Октября американцы провели первое в мире испытание термоядерного оружия и громогласно объявили себя монополистами на обладание таковым. После 5 марта 1953 г. — этого тяжелого для СССР, да и для всего прогрессивного человечества, дня — американцы заявили, что они обладают еще более совершенным термоядерным оружием, чем испытанное 1 ноября 1952 г.

Это был откровенный шантаж — в 1945 г. Трумэну не удалось сбить Сталина с толку атомной бомбой, теперь же, зная о весьма напряженной внутривнутриполитической ситуации в СССР весной 1953 г., наш вчерашний союзник и «товарищ по оружию» генерал Эйзенхауэр весьма рассчитывал в отсутствие Сталина добиться гораздо большего, чем неуклюжий политик Трумэн.

Что из этого вышло, хорошо известно. 12 августа того же 1953 г. мы успешно испытали термоядерную бомбу куда более совершенную, чем американская — ведь то, что взорвали американцы на острове Элугелаб в Тихом океане, никак не подходило под название «бомба». Скорее, это была огромная лаборатория с бассейном из тяжелого сжиженного водорода и утопленным в нем

ядерным запалом, взорванным по радио. Представить себе, что подобное устройство можно как-то транспортировать, было совершенным абсурдом. Наше же на основании дейтерида лития (не содержащее жидких компонент) уже вполне могло быть прицеплено к тяжелому бомбардировщику и доставлено куда следует.

Так что Дуайт Эйзенхауэр потерпел с термоядерным оружием куда большее политическое поражение, чем его предшественник с ядерным.

В 1955 г. был организован военно-политический блок социалистических государств, вошедший в историю под названием Варшавского договора. Дело явно шло к установлению глобального стратегического паритета, т.е. именно к тому, чего изо всех сил старались не допустить США.

Внешняя политика США в эти годы стала походить на работу пожарной команды, только со знаком «минус». Сатанея от осознания роста авторитета СССР во всем мире, американцы старались использовать любой повод для разжигания военных конфликтов, не забывая при этом следовать принципу «вперед, ребята, смелее в бой, я встану грудью за твоей спиной».

В 1956 г. Египет национализировал Суэцкий канал. Ответом на это был ввод войск Англии, Франции и Израиля в Порт-Саид и прилегающие к каналу районы. Надо ли говорить, что эта акция была предпринята с ведома и полного одобрения США? Хорошо

памятен визит Н.С. Хрущева на крейсере «Орджоникидзе» для беседы с Д. Эйзенхауэром с заходом на обратном пути в Лондон. Как видно, повторения Кореи американцам не захотелось, и Лондон получил рекомендацию Вашингтона вывести войска из зоны Суэцкого канала. Преисполненный «дружеских намерений» крейсер подошел к устью Темзы. Англичане, будучи уверены, что для прохода по узкому фарватеру Темзы крейсеру понадобится лоцман, принялись чинить проволочки — обычная игра на нервах, в коей, как мы знаем, джентльмены с Альбиона чрезвычайно преуспели. Каково же было их изумление, когда они увидели, как наш крейсер без всякой посторонней помощи уверенно прошел по Темзе и ошвартовался у лондонского причала. И это при всем том, что *свои* корабли англичане никогда не водили по Темзе без лоцмана. Не иначе, как «Орджоникидзе» оборудован какими-то новыми следящими подводными системами! Похоже, эти соображения не давали у покоя английским спецслужбам, пока шли переговоры на высшем уровне. Что из этого получилось, мы тоже хорошо помним — некий джентльмен по имени Лионель Крэбб, облаченный в легководолазный костюм, попытался поднырнуть под крейсер и... не вынырнул. Поскольку наши моряки хранили при этом «олимпийское спокойствие», англичане не решились заявлять какие-либо протесты. Крейсер со всеми высшими чинами во главе с Хрущевым благополучно отбыл восвояси после завершения пере-

говоров, а премьер Энтони Иден отправился отчитываться перед парламентом о проведенном политическом мероприятии. Пока он готовил доклад, история с Крэббом успела попасть в газеты. Скандал был налицо. И так раздосадованные необходимостью вывода войск из зоны Суэцкого канала, парламентарии задали Идену только один вопрос: знал он о подготовке шпионской акции Крэбба или не знал?

Выслушав этот вопрос, Иден подал в отставку. В самом деле, если он знал, то какой же он политик — вести ответственные переговоры и одновременно устраивать столь убогую провокацию? Если же не знал, то какой же он премьер, если не знает, чем занимаются подчиненные ему службы?

Таким образом, попытка раздуть локальный конфликт в районе Суэцкого канала оказалась позорной как для американцев, так и для англичан, да к тому же и стоила Энтони Идену премьерского поста, на котором он пробыл всего год.

Но относительная «покладистость» западных политиков в суэцкой проблеме объяснялась достаточно просто — практически одновременно был поднят фашистский мятеж в Венгрии. Голубой Дунай стал в Будапеште красным от крови. Осень 1956-го превратилась для венгров в национальную трагедию — ведь из 10 млн. населения страны пятая часть жила в столице. Для подавления подлого мятежа нам пришлось ввести войска и тем самым вызвать

настоящий шквал воплей с Запада о «попрании законов демократии» в Венгрии. То, что фашистский переворот готовился самими же «великими державами Запада», разумеется, демократии нарушить не могло. Карикатура тех дней знаменитого датского художника Херлуфа Бидструпа изображает ужасающего вида монстра с волчьей пастью, крадущегося по берегу Дуная и оставляющего после себя лужи крови. Подпись: фашистский оборотень почувал добычу в Венгрии. Через некоторое время, после ввода советских войск, Бидstrup продолжил тему: после удара сапогом оборотень со сплющенной мордой и поджатым хвостом кубарем летит прочь. Подпись: вот что получилось, когда фашистский оборотень сунул морду куда не надо.

Но карикатуры карикатурами, а то, что ликвидировать венгерский пожар пришлось радикальными мерами, безусловно, следует признать за серьезный просчет в нашей политике.

И суэцкие, и венгерские события убедительно показали, что напряженность в мире в 1956 г. впору было сравнить с туго натянутой струной, готовой лопнуть. Об этом необходимо не забывать, чтобы яснее представлять себе обстановку вокруг советско-японских переговоров, проходивших в Москве осенью 1956 г. «Антипожарники» из Вашингтона сделали все возможное для срыва этих переговоров, хотя вроде бы интересы США на них напрямую не затрагивались. Но косвенно — не могли не затраги-

ваться, поскольку речь шла о нормализации двусторонних японо-советских отношений, т.е. том самом, что могло отдалить Токио от Вашингтона.

Как это так? «Дядя Сэм» изволил узреть, что его гейша, которую он уже привык рассматривать как свою частную собственность, смеет проявлять какую-то там инициативу. Плевать, что она пытается договариваться о тех самых островах, липовую принадлежность которых к Хоккайдо назудел ей в уши сам же «дядюшка». Главное — гейша ведет переговоры о дружбе с русскими! Ведь эдак она перед лицом русского медведя, того и гляди, вспомнит о своем достоинстве! Госдепартамент США срочно шлет ноту Токио, в которой безапелляционным тоном заявляется, что если Япония не будет требовать как минимум четыре острова (все те же самые, хотя на переговорах речь шла о двух), то пусть забудет об Окинаве и всем архипелаге Рюкю.

С чего бы такое остервенение? Ведь еще в июне 1955 г. начались советско-японские переговоры в Лондоне на уровне послов, где обе стороны выразили заинтересованность в поиске путей формального урегулирования отношений и заключении мирного договора. Начавшись на такой благожелательной ноте, переговоры, однако, быстро превратились в перепалку, поскольку японская сторона неожиданно объявила о намерении добиваться впредь возвращения ей Южного Сахалина и Курильских островов. Как

будто вернулись в Портсмут, и переговоры идут в то время, как за окном проходит военно-морской парад флота микадо! Именно с этого момента вот уже 50 лет якобы существует «проблема северных территорий», возникающая как уродливое дитя насилия США над Японией. Кричащее противоречие этой «проблемы» как Ялте, так и Сан-Франциско упорно игнорируется, и японским претензиям изо всех сил придается истерическая форма, подогреваемая средствами информационной войны. Госсекретарь США Джон Фостер Даллес — одна из наиболее одиозных политических фигур того времени — во время лондонских переговоров откровенно и грубо «давил» на японскую сторону, поддерживая ее территориальные притязания. Но по другую сторону стола сидел уже не Витте! Советская сторона высказала определенную и однозначную заинтересованность в налаживании добрососедских контактов с Японией, но твердо отмела всяческие необоснованные территориальные домогательства. На этом в переговорах возникла пауза, и в дальнейшем диалог был перенесен в Москву. Вот это-то и никак не устраивало «дядюшку Сэма».

В самом деле, встретив твердый отказ своим заведомо неприемлемым претензиям, японцы стали шаг за шагом умерять свои аппетиты. Летом 1956 г. они уже не требовали всех Курил и Южного Сахалина, а ограничились все теми же четырьмя южными островами, в соответствии с хамской нотой госдепа США.

С другой стороны, обозначилось нетерпение советской стороны, безусловно озабоченной чрезвычайной напряженностью в мире и стремящейся ускорить нормализацию отношений с Японией. Современные апостериорные аналитики склонны обвинять в этом Н.С. Хрущева, не имевшего ясного представления о роли южных Курил и отнесшегося к ним как к мелкой разменной монете. Дескать, стоит лишь сделать небольшую уступку, и переговоры, наконец, будут успешно завершены. Без сомнений, Н.С. Хрущев недооценивал значимость дальневосточных проблем, но тем не менее приписывать все дальнейшие осложнения его недалекости — явная глупость. Пресловутая 9-я статья «Совместной советско-японской декларации о нормализации отношений», подписанной в Москве 19 октября 1956 г., говорит о возможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией. Кстати, под декларацией подписи Хрущева нет.

Отметим, что присутствие в декларации 9-й статьи фактически означало признание обеими сторонами невозможности заключения мирного договора в тот момент по причине неприемлемых для СССР территориальных притязаний Японии. В дальнейшем советские политические комментаторы неоднократно подчеркивали слова «передача» и «после», т.е. Советский Союз никоим обра-

зом *не признает принадлежность упомянутых островов Японии*, а лишь соглашается ради добрососедства уступить часть своей территории — *после* подписания мирного договора. Так что никакого «возвращения» в декларации не было, и цепляться за эту статью как гарантию получения японцами двух островов южнокурильской группы нет никаких оснований.

Южные Курилы и побережье Хоккайдо

Тем не менее фиксация в официальном документе опрометчивого обещания преподнести Японии «подарок» в виде части советской территории не делает чести нашей дипломатии, поскольку

южные Курилы превратились тем самым в предмет политического торга. Это коренным образом противоречило сложившимся в советское время принципам внешней политики и перекликалось с позорными «отрыжками» дипломатии царских времен. Как будто «гадючник» перестал существовать!

Недальновидность этого обещания проявилась немедленно — практически сразу после 1956 г. японское правительство принялось козырять направо и налево пресловутой 9-й статьей Декларации, заявляя, что нормализация двусторонних отношений вовсе не кладет конец, а, напротив, предполагает расширение переговоров «по территориальному вопросу». Вот уж воистину — протяни пальчик, и всю руку откусят. Вместе с тем проамериканский курс политики Японии еще усилился, хотя, казалось бы, усиливать его некуда. Оказалось — есть куда. В январе 1960 г. новый премьер Японии Нобусукэ Киси (слышите созвучие со все той же певицей из непечатного анекдота?) подписал в Вашингтоне новый «договор безопасности», закрепляющий *бессрочное* военное присутствие США на Японских островах. Точно — как в блатной одесской песенке о том, как у старушки-бабушки пятеро налетчиков отобрали честь, и вот: «Гоц, тоц, перевертоц, — бабушка здорова! Гоц, тоц, перевертоц, — кушает компот! Гоц, тоц, перевертоц — и мечтает снова! Гоц, тоц, перевертоц — пережить налет!»

Вряд ли известие об этом договоре комментировалось в Кремле в цензурных выражениях, поскольку мгновенно в адрес японского правительства полетела памятная записка, в которой четко и ясно отбрасывались обещания 9-й статьи Декларации 1956 г. в связи с явной антисоветской направленностью нового японо-американского договора. Предельно логично объяснялось: «*Советское правительство не может содействовать тому, чтобы передачей Японии островов Хабомаи и Шикотан, принадлежащих СССР, была расширена территория, используемая иностранными войсками*». В последующие месяцы того же года были опубликованы и другие ноты и заявления, в которых указывалось, что Советский Союз считает «территориальный вопрос» решенным соответствующими международными соглашениями (записка МИД СССР от 24 февраля), а также отвергались утверждения японской стороны о том что «территориальный вопрос» еще не решен и оставлен обеими сторонами для дальнейшего обсуждения. (заявление Советского правительства правительству Японии от 22 апреля).

Злополучный Нобусукэ Киси явно просчитался, мечтая «снова пережить налет». После четко обозначенной позиции СССР в указанных документах его американские «покровители» не сочли приличным использовать его как объект «отбора чести». Его ис-

пользовали как «пипифакс» и досрочно отправили в отставку — не оправдала киска-бабушка надежд!

С этого времени более четверти века советский МИД не вступал ни в какие дискуссии по японским территориальным домогательствам. Пока он оставался *советским*. Несмотря на все инсинуации японской стороны (а японская информационная агрессия постоянно находилась в состоянии эскалации), твердая позиция СССР приносила вполне ощутимые плоды. Дело в том, что в сфере делового сотрудничества последнее слово на протяжении 60-х — 80-х годов оставалось не за пропагандистскими кликушами, а за лидерами могущественных экономических объединений (Федерация экономических организаций, Японская палата торговли и промышленности и др.). На словах, особенно произнесенных для прессы, эти люди не отмежевывались от национал-патриотических кругов и даже сами иной раз высказывались в поддержку территориальных претензий. Но это — на словах. На деле же — деловые люди! — они руководствовались прежде всего своими экономическими интересами, а этим интересам никак не соответствовала тупая политика замораживания двустороннего сотрудничества. Практика показала, что с 1960 (год четко обозначенной Советским правительством политической конфронтации) по 1988 (последний год, когда МИД СССР еще можно было назвать советским, хотя его и возглавлял один из «прорабов перестройки» Э. Шеварднадзе)

годы товарооборот между СССР и Японией увеличился с 147 млн. долл. до 5 млрд. 900 млн. долл., т.е. более, чем в 40 раз! Заметно расширились за этот период научные и общественные связи. Шуточная песенка тех времен хорошо отражает расположенность нашего общественного сознания навстречу восточным соседям: «Решено, решено! Покупаю себе кимоно. Буду кашу варить, на работу ходить — в кимоно, в кимоно, в кимоно!».

И все это — вопреки осатанелой эскалации «движения за возвращение северных территорий», ставшей основой внутренней политики правящих кругов Японии. Сама жизнь показала, что «наследникам Мэйдзи» не удалось отбить охоту широких слоев японской общественности к добрососедству с советскими людьми. Тем самым подтвердилась правильность твердой позиции советского руководства в отношении необоснованных территориальных притязаний.

Но вот — грянула «катастрофка». К концу 80-х годов все более заметное влияние на политику советского руководства стали оказывать сторонники «нового мышления» с ударением погорбачевски — на первом слогe. В публичных заявлениях этих «новомыслителей», основой которых было воинствующее неприятие всего, что было связано с «тоталитарным режимом», появились призывы к пересмотру ялтинской системы международных

отношений и безотлагательному завершению территориального спора с Японией путем «справедливого компромисса».

Типичный «нейролингвистический» прием подмены тезиса — призывается к «справедливому решению» несуществующего спора, который на самом деле давным-давно решен! И если бы это делалось только с «пиарными» целями — нет, это делалось во время визитов в Японию надутых «пузырей» перестройки (чем надутых, лучше не уточнять) — Ю. Афанасьева, Г. Попова, Б. Ельцина и др. «Апофегеем» этой свистопляски явилась «Программа пятиэтапного решения территориального вопроса», выдвинутая Ельциным как лидером межрегиональной группы Верховного Совета СССР во время визита в Японию в январе 1990 г. Эта идиотская «программа» не содержала ничего, кроме односторонних территориальных уступок японским требованиям как якобы «платы за насилия в эпоху тоталитаризма».

Но если бы только это! В активную разработку «курса на компромисс» включились — разумеется с подачи из Кремля — редакции ряда центральных газет и журналов («Известия», «Московские новости», «Новое время» и др.), а также работники институтов Академии наук СССР — в первую очередь, Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). От лица ИМЭМО возник главный «разработчик» Г. Кунадзе, излагавший по сути ту же идиотскую программу, что и межрегиональная груп-

па, но облеченную в наукообразные словеса вроде «формула два плюс альфа». Осенью 1990 г. этот «интеллектуал» дал интервью японской газете «Йомиури», в котором разъяснял суть формулы «два плюс альфа»: сначала безотлагательно уступить Японии Хабомаи и Шикотан, затем по подписании мирного договора начать переговоры о принадлежности Кунашира и Итурупа с тем, чтобы какая-то их часть (а может быть и все целиком) отошли в виде «компромисса» под контроль Японии. К восторгу японцев, Кунадзе был вскоре назначен заместителем министра иностранных дел России. Не случайно, видно, он состоял «ответственным исполнителем» темы «два плюс альфа»!

Апрельский (1991 г.) визит М.С. Горбачева в Японию вполне мог завершиться реализацией «новомыслительского» курса в виде немедленной передачи под японский контроль по крайней мере части южных Курил, но! — все-таки он еще представлял Советский Союз. Незадолго до этого визита прошел всесоюзный референдум 17 марта, где подавляющее большинство граждан (76 %) высказалось в пользу сохранения СССР. Кроме того, пропагандистская возня вокруг «разумного компромисса» в отношениях с Японией встретила решительный отпор со стороны большинства Политбюро ЦК КПСС и руководства вооруженных сил, с порога отвергавших идею территориальных уступок Японии. В результате Совместное заявление, подписанное Горбачевым и японским

премьером Тосики, не содержало каких-либо формулировок, открыто подтверждающих готовность советской стороны передать что-либо из «спорных» островов под контроль Японии. Но, с другой стороны, в текст все же были включены двусмысленности, позволяющие японцам истолковывать их в свою пользу. Так, в заявлении указывалось, что первые лица «провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, *включая проблему территориального размежевания, учитывая позиции обеих сторон о принадлежности островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп*».

Сам факт упоминания «проблемы территориального размежевания» был диким дипломатическим ляпсусом, показавшим, что в руководство СССР проникло «новое мышление» с тем самым одноклеточным ударением на первом слоге. Словно в насмешку над только что подписанными словесами о защите национальных интересов, Горбачев заявил о сокращении десятитысячного воинского контингента на южных Курилах, хотя на Хоккайдо, просматривающемся с наших островов чуть ли не в бинокль, дислоцировано четыре из тринадцати дивизий японских сил «самообороны». Увы! Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС и по совместительству первый и последний Президент СССР продемонстрировал не больше государственного ума, чем последний

русский государь император, непоследовательная и трусливая политика которого привела сначала к русско-японской войне, а потом — к революции.

Что было потом — помнят уже и представители юного поколения, которые хотя и родились в Советском Союзе, но уже в полной мере испытали на себе «нейролингвистику».

Позорный август 1991 года, когда отравленные «новым мышлением» по-горбачевски члены ГКЧП устроили идиотский спектакль, в котором сыграли жалкую роль кукол в руках «банды Ельцина».

Не менее позорные события в Прибалтике, которой вдруг позарез понадобилось выйти из состава СССР, а Кремль изображал при этом «политику умиротворения», хотя для наведения порядка в той же Риге достаточно было одной роты настоящего — именно настоящего, а не бандитски-воровского! — ОМОНа. Судьба рижских омонцев — настоящих героев, отстаивавших интересы того дела, ради которого они приносили присягу — вполне соответствует формуле «бывали времена и хуже, но не было подлей».

Но все это были еще цветочки — в декабре 1991 г. появились на свет Беловежские соглашения, ликвидировавшие Советский Союз.

Все это воспринималось в руководстве Японии как свидетельства резкого ослабления способности нашей страны противо-

стоять территориальным притязаниям. К руководству МИДа России пришли Козырев и Кунадзе — фигуры настолько жалкие, что комментировать их деятельность гораздо более тошно, чем исследовать события столетней давности накануне и во время русско-японской войны. Куда там Портсмут! Козырева никто и не думал приглашать играть в шулерскую игру на бирже — вполне достаточно было применить к нему прием «ослиная морковка», который и был с успехом использован Вашингтоном в течение всей Мидовской карьеры оного «политика».

Впрочем, ельцинский период Мидовской деятельности вполне сопоставим с анекдотом, в котором герой впервые оказался в городе и все время путал мужской и женский общественные туалеты, полагая, что «М» — это «мадамы», а Ж — «жентльмены». Путаница в буквах усиленно напрашивалась и здесь. Уже в январе 1992 г. Козырев и К^о, преисполненные «искренней любви» к Японии и ее территориальным претензиям, получили согласие Ельцина на поездку в Японию с целью обсуждения и «радикального решения» «территориального вопроса». В ходе этой поездки были обговорены сроки визита Ельцина в Японию как г-на Президента России — в сентябре 1992 г.

Японские правящие круги захлебывались от восторга — 31 января в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН состоялась краткая встреча Ельцина с японским премьером Киити Миядзава,

где намерение Ельцина посетить Японию не позднее середины сентября 1992 г. было официально подтверждено. Эта договоренность была — ну, конечно же! — согласована с правительством США, и президент США Дж. Буш-старший одобрил намерение Миядзавы пригласить Ельцина в Японию для переговоров «по территориальному вопросу».

Весьма показательно — будто вернулись времена столетней давности, и «ведьмино варево» закипает с новой силой!

Однако в 1992 г. общественное мнение России еще не превратилось в сплошные «охлократические кудахтанья». Мидовской публике вместе с «интеллектуалами» типа Кунадзе пришлось это почувствовать, несмотря на всю путаницу в буквах. В июле 1992 г. группа депутатов Верховного Совета (это еще был орган Советской власти, несмотря на все «вливания» межрегионального и прочего «межнационального» типа) в количестве 52 человек опубликовала открытое письмо в адрес Ельцина в газете «Советская Россия». В этом письме решительно осуждался мидовский (опять чертова путаница в буквах, которую не желает воспринимать даже компьютер!) курс на территориальные уступки Японии и говорилось об аморальности попыток лишить Россию части ее земель без ведома не только народа, но и парламента. Подчеркивая неправомерность передачи южных Курил Японии, авторы письма

настоятельно рекомендовали Ельцину воздержаться от поездки в Японию.

Письмо было напечатано не только в «Советской России», но и в «Правде», а затем и в других патриотически настроенных газетах, причем с соответствующими редакционными комментариями. Вслед за этим состоялось специальное заседание Верховного Совета, посвященное обсуждению позиции МИДа в российско-японском территориальном вопросе. Депутаты подвергли острой критике мидовских деятелей за их потакание японским домогательствам. Весьма своевременное выступление депутатов вызвало волну общественного мнения, прокатившуюся по всей стране и показавшую, что кучка жуликоватых мидовских «японофилов», готовых торговать государственными интересами России — это еще не вся Россия. Об этом пришлось задуматься и влиятельным помощникам Ельцина. В результате 9 сентября появилось заявление Ельцина об отсрочке визита в Японию на неопределенный срок.

МИДы и новоявленные «Мэйдзи» во главе с Миядзавой были ошарашены. «Мэйдзи»-Миядзава немедленно схватился за телефон и потребовал у Ельцина объяснений. Г-н ЕБН сконфуженно объяснил, что «исключительные внутренние трудности» не позволяют ему отлучиться из Москвы. Однако буквально в считанные часы после этого разговора появилась другая версия, предназна-

ченная уже не для «внешнего», а для «внутреннего» употребления. Ее соизволил озвучить пресс-секретарь Ельцина В. Костиков. Изобразив «эксклюзив» для «Известий», оный джентльмен сообщил, что «важную роль в решении российского руководства перенести сроки визита сыграла негибкая, подчас ультимативная позиция нынешнего кабинета министров Японии в вопросе о так называемых «северных территориях». На следующий день «эксклюзив» изобразил и сам Ельцин, заявив известинским журналистам: «Япония поставила слишком категорично вопрос о Курильских островах. Мы с этим согласиться не можем. Более того, ехать в Токио не с чем, и, как в прошлый раз Горбачев, бегать от экстремистски настроенных студентов — такого унижения не может потерпеть ни Россия, ни ее Президент».

Ай да политики! Сначала делаем вид, что беремся решать давно решенный и давно закрытый вопрос. Затем принимаем предельно идиотскую позу той самой одесской «бабушки-старушки». Получаем при этом вовсе не удовольствие в виде закордонных подачек, а пинок в зад от российского народа и остатков Советской власти, а потом валим все на японцев и заодно пытаемся лягнуть своего предшественника по части принятия той же идиотской позы — может, потому, что он-то получил свой пинок посильнее!

Право же, очень похоже на «трактовку» сдачи Порт-Артура в качестве причины забастовки на Путиловском заводе и приписы-

ванию тем самым злосчастному г-ну Путилову функций японского главнокомандующего. Да только Порт-Артур сдали после почти годовой героической обороны и оставили под ним сотню тысяч японских трупов, а здесь — сами представляем Россию продажной девкой и вдруг изумляемся, что она таковой быть не стремится.

Любопытна реакция японского руководства на заявление Ельцина. «Мэйдзи»-Миядзава, пообещавший японской общественности решить территориальный спор с Россией не позже сентября 1992 г., был подвергнут жесточайшей критике. «Понесли по кочкам» и плохую информационную деятельность японского правительства, и тактику «жесткого нажима» на переговорах с Россией по территориальному вопросу, и даже — увязку притязаний на южные Курилы с обещаниями «экономической помощи» России. Дескать, где же ваша дипломатическая гибкость, господа Миядзава и К^о? Нельзя же вот так уж совсем держать русских за дураков!

Дальнейшая деятельность японской дипломатии в течение примерно года сводилась к обсуждению определения новых сроков визита Ельцина в Японию. Как будто — стоит ЕБНу появиться в Токио, и с ним сразу же обо всем договорятся! А с российской стороны все это время произносились мотивировки отсрочек в виде напряженной и сложной внутривнутриполитической ситуации в России, связанной с конфликтом между Ельциным и Верховным Советом.

Как ни удивительно, эти мотивировки повлияли на аппетиты японцев — к лету 1993 г. японская сторона уже не требовала безотлагательной передачи ей всех четырех южнокурильских островов, а вернулась к пресловутой декларации 1956 года, но с безотлагательной передачей только двух островов и признании японского «потенциального суверенитета» над двумя остальными. То есть японцы взяли осторожно «подтачивать» позиции России — якобы никаких уступок Японии не делается, и общественное мнение России может успокоиться — пусть ЕБН летит в Японию даже без расчета на «смелые политические решения» и «исторические прорывы», японскую сторону устроят и небольшие, но уверенные «шаги в нужном направлении».

До чего же противно все это обсуждать! Накануне русско-японской войны царская дипломатия наделала кучу «шагов в нужном направлении» и получила то, что получила. Сегодня же, наблюдая еще более жалкие действия кремлевских и мидовских временщиков, так и хочется сказать:

«Пусть ЕБН летит не в Японию, а к соответствующей матери вместе со своими «смелыми политическими решениями», потому что с историей нельзя обращаться как с девицей легкого поведения. Особенно — с российской историей!».

Дальнейшее — тоже прекрасно известно. В сентябре 1993 г. была окончательно согласована дата приезда Ельцина в Японию

— 11 октября 1993 г. Что происходило с 21 сентября по 4 октября, комментировать не будем. Залитая кровью Москва в пламени горящего Дома Советов — это такое клеймо позора на лице нашей страны, которое никогда и никем смыто быть не может. Многим политическим обозревателям как в России, так и в Японии — да и во всем мире — думалось, что в условиях чрезвычайного положения, введенного 3 октября, Ельцину опять придется отложить свой визит в Японию. Целый год он бубнил о том, что внутривнутриполитические проблемы не позволяют ему слетать в Токио, а вот когда эти проблемы действительно обозначились более чем явно, он всенепременно решил-таки в Японию направиться.

Не ясно ли «даже и ежу», что эти проблемы усиленно создавал сам ЕБН, будучи тупой куклой в руках Запада? В самом деле, окончательная ликвидация Советской власти — это куда более важное для «мирового правительства» дело, чем японские претензии на «северные территории». И поэтому МИДовская компания со всей своей путаницей букв гораздо больше подчинена мировому капиталу, нежели Кремлю.

За время «решения внутривнутриполитических проблем» в России а-ля ЕБН в Японии успел поменяться премьер — «Мэйдзи»-Миядзава тоже отправился в отставку в «пипифаксовом» качестве. Так что Ельцин встречался уже не с ним, а с новым главой правительства Морихиро Хосокава.

Пребывание Ельцина в Японии продолжалось всего 36 часов. Этого хватило для того, чтобы подписать Токийскую декларацию, центральным вопросом в которой был территориальный. Вот как он был сформулирован:

«Президент Российской Федерации и премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итурууп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются с тем, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и, таким образом, полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством — продолжателем СССР и что все договоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией».

Токийскую декларацию японская дипломатия расценила как «шаг вперед в решении территориального вопроса».

Во-первых, в «территориальный вопрос» были включены все четыре «спорных» острова.

Во-вторых, особый смысл японцы придали тому, что в силе остаются «все договоры и другие международные соглашения, принятые на себя ранее Советским Союзом и Японией». Эта фраза во всех политических комментариях была истолкована как признание все той же декларации 1956 года с ее сакраментальной 9-й статьей. Якобы признав декларацию 1956 года, Ельцин поставил крест на советских правительственных нотах 1960 года, после которых территориальный вопрос был закрыт. Правда, напрямую в тексте Токийской декларации об этом ничего не говорилось, но японские комментаторы усиленно пересказывали устные заявления Ельцина, сделанные во время встреч с Хосокава и ответов на вопросы журналистов.

Вспоминая прочие заявления Ельцина, вполне можно поверить в то, что он набубнил японцам в числе прочих бессвязных фраз также и то, что им хотелось услышать – признание декларации 1956 года и отсутствие упоминаний обо всех последующих документах. А заодно и о предыдущих — безоговорочной капитуляции Японии и Сан-Францисском соглашении.

После Токийской декларации мидовские деятели могли ликовать — вроде бы их тактика движения к «справедливому ком-

промиссу» торжествует. Однако «задохнуться в соплях от восторга» им все же было явно рановато.

Политика отказа от последовательной защиты национальных интересов России и подлое угодничество перед «мировым правительством» в расчете на все те же «сребреники» — это путь в никуда. Козырев и К^о уже обожглись в 1992 г. на Верховном Совете и патриотической волне, поднятой остатками Советской власти. Теперь же, после кровавого позора октября 1993 г., они могли не опасаться Верховного Совета — такого органа власти больше не существовало. Но несмотря на все творимые беззакония, несмотря на реки крови, пролитой во имя реставрации самого омерзительного варианта капитализма в России, по сравнению с которым то, что наделали Витте и Столыпин — блестящий успех, эти мидовские физиономии не желали выпячиваться на первый план.

Их расчет теперь был на использование Ельцина в качестве тарана, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее — ну как в октябрьских событиях — сумеет пойти поперек общественного мнения и пробьет-таки дорогу к сдаче южных Курил, а для них уже в этом случае приготовлены очень недурственные гешефты.

Расчеты «мидовской дипломатии» не оправдались. Да, Ельцин неоднократно шел у них на поводу. Да, он подписал достаточно омерзительную Токийскую декларацию. Но по мере роста вла-

стных полномочий он становился все менее управляемым. Сам визит в Японию в октябре 1993 г. состоялся в такой политической обстановке, что даже японская сторона не решилась настаивать на безоговорочной реализации своих территориальных претензий. А после подписания Токийской декларации фактические события показали, что гешефты для Козырева и К^о откладываются на неопределенное время.

Все последующие контакты и дискуссии вплоть до 1999 г. ничего нового в ситуацию, сложившуюся после подписания Токийской декларации, не внесли. Характерен пример встречи на уровне министров иностранных дел между Козыревым и тогдашним главой японского МИДа Коно в марте 1995 г. Переговоры окончились безрезультатно, лишь констатируя приверженность тексту декларации 1993 г.

Интересен японский комментарий к этой «импотентности», данный профессором Токийского университета, политологом Нобуаки Сёкава:

«Российское правительство, возглавляемое Ельциным, не способно принимать сколько-нибудь радикальные решения по спорным вопросам, связанных с прилегающими к Хоккайдо островами, в данный момент, когда нажим националистических и консервативных сил в политическом мире России значительно ослабил внутренние позиции Ельцина».

Если убрать наукообразные «витиеватости», то территориальный спор зашел в 1994-1999 гг. в глубокий тупик. Японцы не были намерены отказываться от своих территориальных притязаний — многолетняя эскалация «информационной войны» вокруг южных Курил привела к тому, что любой государственный деятель, провозгласивший что-нибудь в таком духе, немедленно превращался в «политический труп». Характерный пример — «Мэйдзи»-Миядзава, который даже и не отказывался от притязаний, но просто не выполнил наделанных обещаний. А дальнейшие уступки российского руководства были чреваты потерей политического влияния соответствующего деятеля ниже всех допустимых пределов — сложившийся баланс политических сил представлял собой весьма неустойчивое равновесие.

В таких условиях атмосфера в отношениях двух стран начинает определяться не политическими импотентами в верхах, а людьми, решающими конкретные задачи. Ранее, в период снятия территориальных вопросов с обсуждения, конкретные задачи решались в направлении постепенного потепления отношений экономического, научного и культурного характера. Теперь же, в условиях искусственно созданного идиотского «тупика», атмосфера неуклонно охлаждалась.

Так, существенно участились конфликты в морских водах, омывающих южные Курилы — в ответ на неоднократные вторже-

ния японских браконьеров в наши территориальные воды пограничные суда открывали огонь. Это делалось куда более решительно, чем раньше — японская наглость встречала жесткую реакцию.

Существенно сократились деловые контакты с японскими бизнесменами — экономические неурядицы в России, катастрофические изменения в ведущих отраслях народного — теперь уже переставшего быть народным! — хозяйства отпугивали японских дельцов и побуждали их воздерживаться от участия в рискованных предприятиях. Ведь до этого они привыкли полагаться на договоренности с советскими партнерами как на каменную стену!

Надежды на то, что стоит уступить южные Курилы Японии — и на нашу экономику тут же прольются обильные инвестиционные дожди, — это все тот же Буратино на поле чудес в стране дураков. Но ведь именно это убеждение (а точнее — дебильное заблуждение) являлось и является определяющим во внешней экономической политике теперешней России! А деловые круги Японии в 90-е годы вовсе не собирались выворачивать карманы в знак благодарности России за передачу Курил, и заставить их это сделать никто не мог.

Каким же образом можно было выйти из тупика, образовавшегося в 90-е годы?

Путь был совершенно очевиден и уже показан советской дипломатией в 1960 г. Это:

— отказ от порочного курса на раздувание как в правительственных кругах, так и в общественном мнении надежд на возможность уступок территориальным притязаниям Японии с якобы последующими в ответ на это крупными финансовыми вливаниями в экономику России. *Никакой связи между экономикой и территориальными претензиями в данном случае нет;*

— отказ от рассуждений о «разумных и справедливых» компромиссах», сводящихся к тому, что небольшая уступка территории умерит японские территориальные претензии. *Вся историческая практика говорит об обратном;*

— признание всех договоренностей и соглашений советского периода — раз уж Россия объявляется правопреемником Советского Союза — и тем самым наряду с декларацией 1956 года рассматривать как предыдущие, так и последующие документы, из которых очевидным образом следует несостоятельность всех японских территориальных претензий. *Никакой «нормализации» отношений на основе декларации 1956 года быть не может,* и японская дипломатия никогда не рассматривала установление контроля над Хабомай и Шикотаном как условие разрешения всех спорных вопросов;

— заключение мирного договора с Японией как необходимое условие нормализации отношений давно пора сдать в архив. После подписания декларации 1956 года отношения между СССР и Япо-

нией развивались вполне динамично в течение почти 40 лет, за это время абсолютное большинство населения обеих стран утратило собственное представление о событиях Второй Мировой войны и охотно поддерживало двусторонние связи самого разнообразного характера. Большинству японцев было понятно, что японской дипломатии постоянные реанимации разговоров о мирном договоре нужны только для бесконечного «прокручивания» территориальных претензий. А нам-то зачем бесконечная болтовня на эту тему? *Никакого смысла включение в дипломатические документы вопроса о мирном договоре давно не имеет.*

Но такой поворот в поведении российских дипломатов был бы возможен только при наличии в руководстве МИДа подлинных, а не фальшивых, патриотов своей страны. В ельцинский период президентства таких, увы, не оказалось.

Каков поп, таков и приход — снова отмотаем на 100 лет назад: царь усиленно и без особого положительного эффекта менял министров. Но для того, чтобы действительно что-то изменилось к лучшему, необходимо было отменить сначала самого царя, а потом и всех его министров вместе с капитализмом.

Тем не менее в Японии на Ельцина, подписавшего Токийскую декларацию, принялись возлагать достаточно большие надежды. Возникший «политический тупик» и в России, и в Японии попытались решать традиционным «методом пипифакса» — от-

правили в отставку, с одной стороны, Козырева вместе с его главными «мидовскими японофилами», с другой — кабинет Морихиро Хосокава.

Снова вмешались, разумеется, США — ну разве можно не дергать кукол за ниточки? В 1996 году в Денвере Ельцин и новый японский премьер Рютаро Хасимото положили начало своей «знаменитой личной дружбе». Хасимото приехал из Денвера окрыленный, с массой идей и планов воздействия на российского президента, в котором он «впервые увидел просто человека». Эта фраза о «неожиданной человечности» Ельцина облетела всю японскую прессу.

Хасимото, безусловно, показал себя высокопрофессиональным «нейролингвистом» — при более-менее внимательном изучении смысла заявлений Хасимото их лицемерность становится очевидной «даже и ежу» — но это при условии, что есть возможность их внимательно изучать. Если же устраивать массированные атаки на общественное сознание, педалируя эмоциональный фактор и всячески сводя восприятие к одноклеточному, то можно всучивать самые старые и самые заезженные тезисы под видом «новых идей и планов». Например, можно с бешеной помпой устраивать опросы общественного мнения и под этим соусом всучивать этому самому общественному мнению заранее подготовленные и хорошо

запрограммированные мысли. Все это — давно и хорошо известные методы ведения информационных войн.

Так, по опросам общественного мнения, Россия является самым нелюбимым иностранным государством для японцев, несмотря на то, что они, в массе своей, просто преклоняются перед русской культурой, и в первую очередь — перед литературой и музыкой. Толстой, Достоевский и другие русские писатели оказали колоссальное влияние на развитие японской литературы. Балет и русские народные песни, вероятно, нигде в мире не пользуются большей популярностью, чем в Японии. Неприязнь же к нашей стране — ну, конечно же! — вызвана памятью о жителях Южного Сахалина и Южных Курил, депортированных в Японию после войны, а также о 600 тысячах пленных японцев, которых СССР удерживал в Сибири в течение 10 лет. Можно вытащить и на экран телевизора, и в Интернет какого-нибудь благообразного старика-японца, который с проникновенным взором — камера крупным планом на глаза! — скажет: «Я родился и жил на Сахалине. И вот однажды в наш дом пришли русские солдаты и выгнали нас отсюда»...

При этом «почему-то» не выпячиваются последствия ядерных взрывов над Хиросимой и Нагасаки, из-за которых погибли сотни тысяч японцев и продолжают по сей день погибать их потомки. Как же — ведь это было сделано дружественными амери-

канцами, а не враждебными русскими! И испытания термоядерных бомб в Тихом океане, после которых стабильно выпадали на Японию и прилегающие к ней акватории радиоактивные осадки, уносящие все новые и новые жизни людей — это тоже виноваты не американцы, взрывавшие все более и более мощные заряды, а русские, которые с этим не желали соглашаться и почему-то все время призывали к мирному сосуществованию, разоружению и ликвидации американских военных баз... Ведь хорошие дяди из Америки, хотя и отправили на тот свет больше миллиона японцев, все же вернули в 1973 г. Окинаву Японии (ничего при этом не потеряв, поскольку к этому времени базы на Рюкю утратили свое стратегическое значение), а такие-сякие русские никак не желают «возвращать» наши любимые «северные территории»! Оригинально при этом, что при помпезной передаче Рюкю под японскую юрисдикцию американцы все-таки преспокойно сохранили на Окинаве свои военные базы, которые обретаются там и по сей день.

После столь массивного применения информационного оружия и повторной «встречи без галстуков» с Ельциным в Красноярске Хасимото немедленно выступил с целой доктриной, получившей название «принципов Хасимото». Суть ее сводится к следующему:

— и в России, и в Японии понимают, что связи между нашими странами настолько слабы, что стороны едва ли могут влиять друг на друга, поэтому сближение двух государств является первоочередной задачей;

— две нашумевшие встречи Ельцина и Хасимото «без галстуков» (в Денвере и Красноярске) породили множество надежд на развитие двусторонних контактов;

— следует пока не увязывать развитие двусторонних контактов со спором о южных Курилах;

— выработан «план Ельцина-Хасимото», призванный активизировать экономическое сотрудничество, возобновились военные связи, на двусторонней основе активно обсуждались положения будущего мирного договора.

Заметим: абсолютно ничего нового в «принципах Хасимото», отличного от прежней внешнеполитической линии японцев, не просматривалось. Кажущийся «шаг назад» в территориальных претензиях Японии сделан только на словах — причем главным образом с целью «русский пипл схавает». На деле же «обсуждение положений будущего мирного договора» предполагало все то же самое — поэтапную передачу Курил под юрисдикцию Японии.

В этой связи представляется интересным мнение Инагума Хитоси, шефа-корреспондента московского бюро японских газет

"Токио симбун" и "Тюннити симбун", высказанное им в интервью газете "Новгородские ведомости" 16 февраля 1999 года:

«Япония рассчитывала, что именно такой политик, как Борис Ельцин, человек решительный и обладающий в какой-то мере диктаторскими наклонностями, может принять решение по такому сложному вопросу. По существу, желание помочь экономически России было тождественно желанию помочь Ельцину. Японская сторона хорошо изучила линию поведения Ельцина. На вашего президента делалась большая ставка. План Ельцина не предусматривал возврат в обозримом будущем южнокурильских островов Японии. Предполагалось, что проблема будет решаться следующими поколениями. Но для нас было важно, чтобы Ельцин все-таки признал потенциальный суверенитет Японии над этой территорией. Наши предложения готовились таким образом, чтобы Ельцину легче было принять решения, и я должен сказать, что в Красноярске он производил очень сильное впечатление».

Хотя Хасимото и находился у власти достаточно недолго, он сумел развернуть информационную войну в невиданных дотоле масштабах. Вот что мы имеем на сегодня.

В Японии действует движение за возвращение «северных территорий», насчитывающее более 70 миллионов сторонников (по информации самого движения). Конечно, эти числовые данные весьма преувеличены (мы прекрасно знаем о мастерстве японского

вранья), но движение пользуется мощной поддержкой государства. Оно активно проводит различные акции и пропагандистские мероприятия, распространяет информацию об истории Курил, в том числе на русском языке, ежегодно отмечает День северных территорий (7 февраля). Это движение ратует за дружбу с российским народом, однако позиция его в части «возврата незаконно отторгнутых территорий» непреклонна, что вытекает из самого названия. Представляемые им исторические факты откровенно «подобраны», а точнее — подтасованы. Например, со страниц правительственного сайта префектуры Хоккайдо заявляется:

«Острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, или «северные территории» — это острова, которые освоили и передавали из поколения в поколение наши предки. До августа 1945 года на четырех северных островах мирно жило 3.100 японских семей общей численностью 17.000 человек, которые занимались преимущественно рыбным промыслом. Но сразу же после окончания второй мировой войны острова были незаконно оккупированы Советской Армией, и японцы не могут проживать на них. Эти четыре северных острова и с исторической, и с международно-правовой точки зрения являются исконно японскими территориями, и, несомненно, должны быть возвращены Японии».

Интересно также ознакомиться с мнением японских «интеллектуалов», внедряемым не столько по принципу «пипл схавает»,

вроде процитированной выше «официальной справки», сколько рассчитанным на «образованцев», т.е. потребителей «умственной жвачки».

Японские ученые и аналитики стараются взглянуть на ситуацию «более объективно» и пытаются найти выход из замкнутого круга, понимая, что если прямое «столкновение лбами» ни к чему не привело в течение 50 лет, то трудно ожидать результата и в дальнейшем.

Все они положительно оценили главный сдвиг, произошедший за последние годы XX века в политике Японии по отношению к России: сотрудничество и взаимодействие в экономике и культуре возможно до разрешения территориального спора.

Например, видный политолог, профессор университета «Аояма Гакуин» Сигэки Хакамада (случаем, российская «правосильница» — это не его ли родственница?) усиленно рекомендовал правительству Хасимото ясно дать понять российской стороне необходимость разрешения столь важного вопроса до конца XX века, чтобы не перекладывать проблемы нашего поколения на плечи последующих. *«Проблемы XX века должны быть разрешены в нашем веке»*, — писал он в своей статье «Построение новых японско-российских отношений». Первый принцип, провозглашенный Хасимото, а именно: доверие между народами, не только на уровне правительств, но и на уровне простых людей — ученых, спе-

циалистов, студентов — чрезвычайно важен. В этой связи профессор Хакамада указывал на все еще сохранившиеся со времен холодной войны сложности при оформлении визы для российских граждан, посещающих Японию. Причем японские граждане с подобными трудностями не сталкиваются. Второй из выдвинутых Хасимото принципов — взаимовыгодное сотрудничество — вызвал у японского ученого опасения в том, что оно будет выгодным только для России, которая, принимая японскую помощь, может отвести на задний план самый главный — территориальный — вопрос. Третий принцип — долгосрочная перспектива — Россией может быть воспринят как слабость японской стороны, уставшей бороться за острова, что даст возможность отложить решение территориальной проблемы на неопределенный срок.

Как видим, несмотря на научнообразные кружева и видимость критического разбора принципов Хасимото, профессор Хакамада не в состоянии выбраться за пределы шкурных опасений и попугайского повторения территориальных претензий. Что и следовало ожидать — интеллектуалы вроде Козырева-Кунадзе в России и вроде Хакамады в Японии дудят в одну и ту же дуду.

Желая приободрить своего «образованца», профессор Хакамада приводит в качестве обнадеживающего фактора любопытное сравнение с переговорами России и Украины о статусе Севастополя. Несмотря на «непопулярное решение», принятое Ельциным,

ожидаемого взрыва национализма в обществе не произошло. Крым и Севастополь гораздо более значимы для России, чем крохотные Курильские острова, которые многим россиянам просто безразличны. Поэтому можно ожидать, что воссоединение Южных Курил с Японией пройдет в российском обществе, скорее всего, достаточно безболезненно.

Обратим внимание: Хакамада очень ловко проводит запрещенный «нейролингвистический прием»: обращая вроде бы к своему «образованцу», он практически незаметно переходит на манипуляцию сознанием уже российского «пибла» — выпячивая Крым, он старается «вытряхнуть из рукава» Курилы. Дескать, следите за руками!

Еще одна параллель напрашивается сама собой: острова Рюкю, де-юре возвращенные Японии в 1973 году, но все еще находящиеся под фактическим контролем Соединенных Штатов. Более того, американцы не только не собираются покидать эту территорию, но и планируют построить на острове Окинава новый военный аэропорт, что, кстати, вызывает сильнейшие протесты японской общественности. Но — кто к ним прислушивается?

Во времена холодной войны раздувание проблемы «северных территорий» отвлекало внимание японского общества от факта американского присутствия на «исконно японских» землях Окинавы, не давая ход развитию антиамериканских настроений и в

то же время создавая оправдание необходимости в американских войсках, защищавших Японию от «советской угрозы».

А теперь?

Историк-русист, профессор Хироси Кимура отмечает, что взаимоотношения России и Японии нельзя рассматривать также без учета влияния Китая, который в период обострения советско-китайских отношений поддержал японские требования о возвращении Южных Курил. Сейчас же, в связи с ростом могущества Китая, России и Японии выгодно иметь между собой дружественные отношения, потому что, с одной стороны, Россия в определенной степени опасается усиления позиций Китая, а с другой стороны, Японии было бы легче развивать отношения с Китаем, имея добрососедские отношения с Россией. Профессор Кимура отмечает слабость японской дипломатии, недооценивающей сложность переговоров с Россией. Японские политики традиционно настолько уверены в правоте своей позиции, что не прикладывают достаточных усилий для того, чтобы переубедить российскую сторону. Японская дипломатия склонна ставить чувства выше дипломатического мастерства, предполагая почему-то, что японские национальные интересы и интересы международного сообщества должны совпадать. Японский менталитет, видимо, заставляет их руководствоваться следующей логикой: "Если мы искренне и доброжелательно объясним ситуацию, они определенно войдут в на-

ше положение, поймут нас и отдадут острова, ведь это такой ничтожный участок земли по сравнению с огромной территорией России".

Стоит заметить, что эти воззрения близки многим японцам: «четыре крохотных острова так далеко от Москвы, зачем они нужны великой России?»

Увы, стараниями информационных агрессоров эти воззрения уже внедрены и в российское общественное сознание. Загляните на форумы в Интернете — и увидите дебильные высказывания типа «Ну-у, где там эти Курилы, а жрать-то надо!» Это — ежели высказывается представитель «поколения пепси». Клиенты постарше рассуждают а-ля сердобольные бабушки: «Бедные японцы, у них так мало земли, а их так много — ну что нам стоит отдать им какие-то мухосранские островки!» Ни дать, ни взять — та самая одесская старушка, которая сетует, что налетчики, лишившие ее чести, не все получили достаточное удовольствие!

Достопочтенный Кимура-сан утверждает, что в новой геополитической ситуации, только предложив России пакет мер, таких как безопасность, экономическая помощь, научное, культурное, спортивное сотрудничество, можно вызвать Россию на уступки в территориальном вопросе. Именно благодаря такому многоуровневому подходу, считает Кимура, Хасимото и удалось добиться положительных изменений на переговорах с Ельциным.

Как видим, уважаемый историк подводит под «принципы Хасимото» довольно солидную базу по всем правилам ведения информационной войны, но все равно главная мысль, внедряемая им в сознание: «северные территории должны вернуться к Японии». Очень возможно, что именно Кимура и К^о и были «мозговым центром», обеспечивающим Хасимото нужными ему идеями.

Цуеси Хасегава в своей статье «Осмысливая заново российско-японский территориальный спор» указывает на необходимость помнить о людях, живущих ныне на спорных островах. Конечно, нельзя забыть горе и унижение, которым подверглись японцы, депортированные с Южных Курил, нельзя также забыть и трагическую историю айнов, выселенных с островов и практически истребленных, но тем более недопустимо повторить ту же ошибку еще раз, принеся в жертву судьбу ныне живущих там русских и украинцев.

Неплохая наживка для «образованных извилин», не правда ли? Хасегава-сан согласен даже с тем, что самураи осваивали японские острова — Хонсю и Хоккайдо — методом геноцида! Весьма смелое заявление, за которое в довоенной Японии профессору пришлось бы жестоко поплатиться.

И это еще не все. Профессор Хасегава согласен с другими аналитиками и в том, что России необходимо оказывать экономи-

ческую помощь, поскольку только экономически развитая, демократическая Россия может являться гарантом стабильности международных отношений.

Прямо-таки слово в слово — повторение речей наших «радикал-деРЬмократов», загнавших экономику России на допетровский уровень и при этом рассуждающих об экономически развитой демократической России, «вступающей как равноправный член в мировое сообщество»!

Ну, и к чему же клонит почтенный профессор Хасегава-сан?

Расширение сфер взаимодействия двух стран неизбежно приведет к большему соприкосновению точек зрения, что со временем выльется в создание условий для возвращения «оккупированных» островов. Он считает, что мирный договор должен быть заключен как можно скорее на условиях 1956 года, то есть с передачей только двух островов, а вопрос о двух других островах можно отложить для дальнейших переговоров.

Приехали. Комментарии излишни. Как, господа «образованцы», вкусно? Блюдо-то все то же самое — давно протухшее!

Японский ученый Вада Биммей назвал проблему «северных территорий» «внебрачным ребенком холодной войны», подчеркивая, что Япония начала претендовать на «северные территории» вскоре после подписания в 1951 году «договора безопасности» с США, который был продлен в 1960-м и в 1970-м годах. Так что

рассуждения о несчастной японской гейше — это не наш образный домисел, а горестные мысли самих японских аналитиков. Вада Биммей указывает, что «проблема территорий» возникла на основе тайного соглашения между премьер-министром Японии Иосида Сигэру и госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом.

Мы помним, что для ратификации Сан-Францисского договора в японском парламенте Сигэру сделал официальное заявление, не оставляющее никаких сомнений в отказе Японии от территориальных претензий. Но вот сами же японцы уличают своего бывшего главу правительства в подлом двурушничестве: в своих мемуарах «Воспоминания о десяти прошедших годах» Сигэру так описывает подготовку Сан-Францисского мирного договора 1951 года: *«Мы молча оставили за собой решение территориального вопроса с тем, чтобы, используя его в качестве козырной карты, занять на предстоящих переговорах с Советским Союзом ключевые позиции».*

Интересно, не сел ли Вада-сан в тюрьму за такие обличающие выступления? Ведь такое в Японии писать не принято! Во всяком случае, в последние 30 лет. С Сигэру-то ведь теперь ничего спросить нельзя...

Впрочем, Вада Биммей не заканчивает свой анализ обличениями в адрес Сигэру. Он, как и многие, обращается к декларации 1956 года и сетует, что вторая попытка заключить мирный договор

снова не увенчалась успехом. Вада-сан, в отличие от многих коллег, ставит на одинаковый уровень значимости точки зрения СССР и США, даже с некоторым перевесом мнения советских дипломатов. Отмечая успешный ход переговоров 1956 года в Москве, Вада отмечает, что условием передачи Хабомаи и Шикотана Японии было не только подписание мирного договора, но еще и ликвидация всех иностранных военных баз на японской территории. Между прочим, совершенно естественное условие, если речь идет о подписании *мирного* договора.

Почему-то сегодня, вспоминая в тысячный раз декларацию 1956 года, об этом условии упорно забывают. Ну, японцы — понятно, почему. А наши-то?

Вада далее констатирует, что такого потепления в советско-японских отношениях США стерпеть уже не смогли, и Джон Фостер Даллес снова — в очередной раз — влез в историю как насильник и грабитель, поставив ультиматум: если Япония согласится принять советское предложение о возврате двух, а не всех четырех южнокурильских островов, США навсегда оставят за собой оккупированный ими остров Окинава.

А этого уже не могла вынести Москва — эдак они в следующий раз и Сахалин потребуют вернуть!

Правильно, Вада-сан, наконец-то среди японских политических комментаторов нашелся человек, способный истолковывать

логику рассуждений противной стороны не как идиотов, а как нормальных людей. И вывод, который неизбежно следует из этой логики, тоже Вада делает правильный — переговоры были сорваны, Япония осталась ни с чем, мирный договор так и не был подписан, а Америка радостно потирала руки.

Вада Биммей заключает свою работу цитатой из русской классики: «А счастье было так возможно, так близко...».

Японские историки до сих пор считают этот эпизод крупным просчетом своей дипломатии. Как видим, и Вада Биммей, которого можно полагать (по сравнению с коллегами) явным русофилом, едет на том же ишаке: «Верните наши острова!».

Между прочим, более внимательно изученная статистика показывает, что японцы, особенно послевоенные поколения, связывают возможность подписания мирного договора, в первую очередь, с развитием дружбы и сотрудничества, не настаивая на первоочередности передачи островов. Опросы общественного мнения, проведенные газетами «Асахи» и «Майнити симбун» в апреле 1998 года, отражают тот факт, что японцы приветствуют потепление отношений между нашими странами, но не ожидают решения территориального вопроса в ближайшем будущем. Отношение японцев к проблеме трудно назвать оптимистичным: только 15% опрошенных увидели прогресс в переговорах после второй встречи Ельцина с Хасимото, а половина опрошенных — нет. Отноше-

ние к России все еще остается, мягко говоря, сдержанным: только 28% выступают за активное экономическое взаимодействие с Россией, и опять же половина — против. На вопрос о приоритетах в российско-японских отношениях большинство (36%) назвало «заключение мирного договора», следующим было отмечено «экономическое сотрудничество» (27%), и только на третьем месте оказалось «решение территориального вопроса» — 24%.

Конечно, принимать подобные цифры за основу судьбоносных решений не следует — практически всегда опросы проводятся необъективно. Но разве стремятся политики всегда принимать объективно обусловленные решения? Тем не менее, эти цифры говорят хотя бы о том, что и с японским общественным мнением нельзя обращаться по принципу «пипл схавает» — можно нарваться на большие неприятности.

Из бормотания Ельцина в Красноярске во время «дружеской встречи» с Хасимото в ноябре 1997 года японцы «выловили» заявление о намерении подписать мирный договор с Японией не позднее 2000 года. Похоже, ЕБН так далеко «заложил» свой галстук, что пошел делать самые непредвиденные (в том числе им самим) заявления. Конечно же, в Японии это было истолковано как готовность пойти навстречу территориальным претензиям Японии до окончания срока его президентских полномочий. Последняя встреча «без галстуков» Ельцина с Хасимото, прошедшая в апреле

1998 г. в японском курортном городке Каване, не дала никаких официальных сведений о дальнейших намерениях касательно подписания официальных соглашений. Правда, японские газеты обсуждали различные домыслы вроде того, что изрядно набравшийся во время обеда ЕБН проявил готовность «серьезно изучить» предложения «друга Рю» о демаркации российско-японской границы к северу от четырех южных островов Курильского архипелага. Видите ли, предыдущих лет ему явно было недостаточно для «серьезного изучения» японских предложений!

Можно просто пожалеть японских комментаторов, явно не знавших, как и что комментировать. Либо до сих пор Ельцин не удосужился ничего изучить, либо дал понять, что все японские поползновения были несерьезными, и только после хороших возлияний эта самая «серьезность» наконец в них проявилась. В любом случае из международных отношений получается полнейший кабак, если не бордель.

По-видимому, слишком уж «тесная» дружба Хасимото и Ельцина насторожила японский политический истеблишмент, и «друга Рю» в июле 1998 г. отправили в отставку. Это — несмотря на его предельно раскрученные «принципы», так обстоятельно обсуждавшиеся «интеллектуальным корпусом» Японии. Как видно, и Хасимото подпал под действие «метода пипифакса» — шуму наделал, галстук потерял, а островов-то все еще нет!

Пришлось Ельцину изобретать «новые принципы сотрудничества» уже не в компании с «другом Рю», а со следующим премьером — Кэйдзо Обути. Похоже, и с ним он был бы не прочь встречаться «без галстуков» — поди, плохо — балдей себе за обедом да изображай игру в гольф или теннис (можно даже обозначить заход в баню). Но вот что-то после «друга Рю» японцы таких устремлений больше не проявляли. Политическая атмосфера в обеих странах явно показывала признаки перемен в высших эшелонах власти. Ельцин выдвинул новое предложение — конечно, с подачи все тех же «японофилов» — приступить к разработке широкоформатного документа под названием «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве», в котором должен был быть отражен вопрос и о «территориальном размежевании».

Но, похоже, «встречи без галстуков» вытянули из японских лидеров все творческие силы — ежели после всех стараний ЕБН только собрался «серьезно изучать» предложения «друга Рю», вполне умещавшиеся в один абзац, то что же будет с объемным документом? Предложение о разработке нового Договора было японской стороной отклонено.

Но все же японские политики и политологи продолжали связывать с именем Ельцина расчеты на его личное влияние, неограниченную власть в России и на возможность склонить его — пусть не без трудностей — к ощутимым уступкам. Все-таки за десятиле-

тие пребывания Ельцина в российских верхах произошли такие отрядные для японцев события, как распад СССР, превращение России из мировой социалистической державы в страну «третьего мира» с криминал-компрадорской капиталистической экономикой, радикальное ослабление военной мощи некогда грозного «северного соседа», подписание обнадеживающих в части территориальных притязаний документов. Немаловажным фактором явился и фактор демографический — за эти десять лет население Японии неуклонно росло, а России — столь же неуклонно уменьшалось, так что «добрые соседи» достигли почти сопоставимой численности — 140 миллионов в России и 120 миллионов в Японии. Вроде немного осталось, чтобы «дожать» лидера *такой* России до «радикальных политических решений».

Сообщение из Москвы об уходе Ельцина со своего поста вызвало у японского руководства форменный шок. Особенно это относилось к японскому МИДу. Как же — все их предыдущие успехи повисли в воздухе, а обещание «подписать мирный договор не позднее 2000 года» приобрело издевательский смысл — отставка Ельцина состоялась 31 декабря 1999 года. Похоже, в этом обещании ЕБН ухитрился не наврать!

В голосах дикторов японского телевидения слышалась полная растерянность: «Как же так? Он ведь обещал приехать весной... Что же теперь будет?»

Комментарии политиков не заставили себя долго ждать. Все они сходились в одном: Японии придется пересмотреть свою политику в отношении России. Сразу же после сообщения об отставке была собрана комиссия по России в японском МИДе с участием самого премьера, и ее представители даже не пытались скрыть своего изумления произошедшим: «У нас не было никаких данных, говорящих о том, что Ельцин собирается покинуть свой пост».

Впору было вспомнить чрезвычайное заседание Императорского совета 1945 г., на котором маркиз Кидо сообщил весть о вступлении СССР в войну против Японии.

Министр иностранных дел Ехэй Коно заявил, что он был просто ошеломлен новостью, поскольку подготовка к весеннему визиту Ельцина шла полным ходом. Рютаро Хасимото вообще отказался комментировать ситуацию, сказав лишь, что он только начал исследовать вопрос. Премьер Кэйдзо Обути выразил надежду на то, что новый российский президент останется приверженцем всех прежних договоренностей, достигнутых в эпоху Ельцина, и ничто не помешает нашим странам подписать мирный договор к концу 2000 года, как то и было намечено... Ну прямо генерал Умэдзу, утверждающий, что ничего особенного не произошло! Так и слышится «Хакко Итио!»

На политическом поприще появилась новая фигура, дотоле неизвестная — Владимир Путин.

Руководители внешней политики Японии с ужасом обнаружили, что нового и.о. Президента России они по сути дела совсем не знают. Бросившись собирать сведения о Путине, японцы нарвались на курьезное обстоятельство — оказывается, Путин уже приезжал в Японию в 1995 году в качестве заместителя питерского мэра на какой-то симпозиум, но при этом держался так скромно, что в памяти официальных лиц он не оставил о себе ничего, кроме фамилии и инициалов. Об этом успел написать упомянутый профессор Сигэки Хакамада в своей новой книге «Россия Путина на пути к диктатуре закона», вышедшей в 2000 г.

На протяжении первого года нахождения Путина у власти — сначала в качестве и.о. Президента, а потом и избранного Президента — японские журналисты и политологи лихорадочно и до тошно выясняли все прошлое Путина, особенно его служебную деятельность в КГБ. На страницах прессы подчас появлялись совершеннейшие нелепицы, потом опровергаемые. Но чаще личность Путина окружалась атмосферой тайны, и упоминания о нем сопровождалась словесами типа «человек без лица», «человек-загадка» и т.п. Особенно раздувались специфические черты его характера как кадрового сотрудника могущественного КГБ — дескать, бойтесь чекистов — носителей тоталитаризма!

Конечно, буржуазная пресса есть буржуазная пресса — она везде в общем-то одинакова. Многочисленные публикации о Путине были в основном рассчитаны на одноклеточного «хавающего пипла», интересующегося не столько достоверной, сколько скандально-сенсационной информацией.

Однако японский политический «истэблишмент» был всерьез обеспокоен стратегическими перспективами. Будет ли сопровождаться приход Путина в Кремль существенными переменами в ельцинском курсе, т.е. курсе на полный демонтаж социалистических структур? Будут ли продолжены далее «реформы», представляющие собой уродливое копирование западных образцов в государственном и политическом устройстве? Возможен ли отказ Путина от ельцинского «хвостизма», т.е. стремления к «партнерству» с США и странами Западной Европы, с восторгом встречаемого в Токио, поскольку он означал ослабление самостоятельной роли России на мировой политической арене? Особенные опасения вызывали у японских стратегов соображения о возможности возрождения былого военного могущества России и восстановлении ее тесных союзнических связей с КНР, стремительно превращающейся в великую мировую державу и тем самым вырастающей в потенциального противника № 1 для США и Японии.

Все эти опасения в основном проистекали из чекистского прошлого Путина — КГБ есть КГБ! Так что по сути рассуждения

интеллектуалов мало отличались от представителей «второй древнейшей профессии».

Однако главные опасения японских политических экспертов очень быстро развеялись. 2000-й год показал, что Путин намерен следовать политическому курсу Ельцина, хотя абсолютное большинство российского населения не поддерживало этот курс. Это вселило в японцев определенный энтузиазм.

Например, видный эксперт в области японо-российских отношений, главный исследователь японского Института международных проблем Госихико Уэно выступил в конце 2000 г в журнале «Гайко форум» со статьей, весьма претенциозно озаглавленной «Особенности власти Путина и будущее России». В ней маститый политолог выдал весьма оптимистический прогноз на предмет продолжения ельцинизма Путиным. Даже заявления Путина о намерении превратить Россию в сильное государство несколько не напугали Уэно, увидевшего в этом российскую традицию усиления государственного контроля над экономикой и политикой.

Не все японские политологи разделили благодушный оптимизм Уэно. Респектабельный профессор Хироси Кимура, столь много стараний посвятивший анализу «принципов Хасимото», решил и здесь не отстать от своего коллеги Сигэки Хакамада и в том же 2000 г. издал новую книгу «Что такое путинизм?».

Поскольку профессор Кимура является знаковой фигурой в японских политических кругах, т.е. отражает в своих публикациях типичные воззрения наиболее враждебных России и одновременно влиятельных политиков, его точка зрения заслуживает более пристального внимания.

Прежде всего Кимура подчеркнул, что Путин как премьер радикально отличался от своих предшественников на этой должности (Черномырдин, Кириенко, Примаков, Степашин) — каждый из них по разным причинам не сумел «оправдать доверие» ельцинской «семьи», тогда как Путин это самое доверие оправдал полностью, почему и стал преемником Ельцина на президентском посту. В сущности, сформулировав тезис «Путин — улучшенный вариант Ельцина», далее Кимура пытается расшифровать, чем же Путин лучше Ельцина. Он подчеркивает молодость, энергию и напористость Путина, твердость в формулировках принципов внутренней политики (как видно, призыв «замочить в сортире» чеченских бандитов понравился и японцам), заявления о борьбе с коррупцией, преступностью, местным сепаратизмом и о решимости препятствовать дальнейшему падению жизненного уровня населения России. Все это, по мнению Кимуры, дает возможность российской общественности смотреть на Путина как на «сильную личность», способную остановить откат России — некогда великой державы — на уровень стран «третьего мира» и ниже.

Но это — так сказать, вступление, что-то вроде поднятия занавеса перед спектаклем. Главное внимание при раскрытии сущности «путинизма» профессор Кимура, конечно же, уделил российско-японским отношениям. Здесь положительные оценки Путина у него явно иссякли, и он, продолжая играть заезженный мотив «о территориальном споре», принялся уверять читателя, что ничего хорошего в плане продвижения по пути «возвращения северных территорий» от Путина ждать не приходится. Обнаружив, что Путин не торопится с переговорами, которые обещал вести Ельцин в 2000 г., он приходит почти что в отчаяние:

«На деле он не собирается возвращать острова, хотя в то же время хочет получать от Японии по возможности большую экономическую помощь, вовлекая Японию в крупномасштабные экономические сделки. Это не что иное, как продолжение курса его предшественников».

Любопытно, каких предшественников имеет в виду профессор Кимура? Ельцина с Козыревым? Горбачева с Шеварднадзе? А может, Брежнева с Громыко? Еще лучше — Сталина с Литвиновым! Правда, при Сталине экономических сделок с Японией не заключалось, если только не считать экономическими успехами военные трофеи. А вот при Брежневе они очень даже заключались — смотри выше. Практически перестали они заключаться с развалом российского хозяйства — только ведь об этом следует спро-

сить своих собственных предпринимателей, а не сваливать «стремление заключать экономические сделки» на российскую сторону да еще к тому же и увязывать это с территориальными претензиями Японии! Почтенный профессор Кимура в одной только цитированной фразе врет почище «историков Мэйдзи», писавших о действиях на море в русско-японской войне.

Но делает он это неспроста. Утверждая, что Путин «продолжает курс его предшественников», Кимура пытается убедить читателя, что Путин помышляет о возврате России к прежней «советской внешней политике»:

«В политике Путина в отношении Японии просматривается стремление к возрождению советской политики и идеологии».

Вот уж истинно: Вашими устами да мед бы пить, Кимура-сан! Если бы это было правдой, как бы мы все бодро расправили плечи! И, смеем Вас уверить, что на Ваше суровое осуждение такого «путинского стремления» мы бы наплевали с самой высокой горы!

Но Кимура-сан вовсе не просто опасается возрождения советских порядков в России. Он, как опытный «нейролингвист», тут же «переводит стрелку» со своих опасений на угрожающие для России перспективы. Ах, как же заботит его судьба несчастных русских, не понимающих, что, не удовлетворив территориальные претензии Японии, они нарвутся на куда более серьезные претен-

зии Китая! Ежели Россия останется без японской экономической помощи, то она обречена в будущем на все бóльшие экономические неурядицы, а в этом случае угроза территориальной экспансии Китая в дальневосточные и восточно-сибирские районы станет неотвратимой. Вот тогда-то и придется Путину или его преемникам идти на более тесное сближение с Японией, а это значит, что Япония приобретет спорные острова по более дешевой цене, нежели сейчас.

Не правда ли, скромненько, но со вкусом! Так и отдает дипломатией 30-х годов, но там все было замешено на вооруженных конфликтах и подготовке к большой войне, а сегодня происходит все то же самое, но замешено на войне информационной, в которой нет обозначенной линии фронта.

Профессор Кимура практически полностью единодушен с профессором Хакамада, только разница в том, что он пугает читателя возвратом к советским порядкам, а Хакамада расписывает ужасы горбачевско-ельцинских «реформ». Но логика одна — разыгрывая «китайскую карту», оба считают, что спасение России — в «дружбе с Японией», заключающейся в «возврате северных территорий». Хакамада прямо обращается к Путину: Президенту России следовало бы поторопиться с решением в пользу Японии территориального спора двух стран, ибо *«...в противном случае недоверие японского народа к России будет возрастать...а пока*

глубокое недоверие японцев к России существует, ни народ, ни политики Японии не позволят предоставлять России крупные кредиты. И наоборот, если возникнут между двумя странами отношения настоящего доверия, то появится возможность их сотрудничества в размерах, значительно больших, чем ранее».

Боже! Ну на кого эта писанина рассчитана? Не иначе, как на круглых идиотов. Видите ли, плата за Курилы — «доверие японского народа и политиков». Истинно, чешский герой-писатель был прав на все сто — каждый мошенник рассчитывает на плохую память того, кто должен быть обманут. За правду он и был казнен загадочными друзьями милитаристской Японии — гестаповцами. Но наша память хранит и Фучика, и миллионы павших в войнах против вот таких «доверителей».

А профессору Хакамада-сан следовало бы прикусить язык, произнося слово «народ», пока этот самый народ ему этот самый язык не вырвал. Народ Японии от таких «доверителей» даже в выигранной русско-японской войне ничего не получил, кроме огромных потерь, превышающих потери побежденной России — 261 429 человек. О потерях народа Японии во Второй мировой, превышающих 3 млн. человек, говорить вообще неудобно. Но начала-то эту мировую бойню именно Япония! Стараниями тех самых «доверителей».

Проживем мы без ваших поганых кредитов, г-ны кимуры, хакамады и иже с вами! Только вот у себя дома нам надо порядок навести. Нам самим, без вас! И отвечать на вашу писанину мы, как граждане России, можем без излишней дипломатии — ведь вы же позволяете себе давать хамские советы как рядовым гражданам нашей страны, так и Президенту. Доверяйте своим заокеанским друзьям из Вашингтона — мало, видно, они вас грубо и публично насиловали и продолжают это делать. А нам на ваше доверие — начхать!

В отличие от «аналитиков» вроде Кимуры и Хакамады, чиновники японского МИДа всегда выпячивали на первый план показное стремление к «добрососедству», но это стремление всегда было проникнуто таким лицемерием, что более-менее внимательное прочтение их вежливых фраз всегда обнаруживало то же, что и кикиморо-хамские труды — возрастание угрозы массового вторжения китайских мигрантов в малозаселенные районы России к востоку от Урала, спастись от которой можно якобы только за счет экономической помощи Японии. Ну, а таковая, конечно же, возможна только при условии «шагов навстречу» японским территориальным притязаниям.

Нежелание России делать эти шаги — главный «камень преткновения» на пути российско-японского добрососедства. Эту мысль надлежит как можно подробнее и доходчивее разъяснить

как новому Президенту России, так и широкой российской общественности. На всех ярусах общения, при всех случаях контактов японцев и русских. Такое «многоярусное» давление должно безусловно вынудить Москву пойти навстречу японским территориальным требованиям.

Именно так высказался в декабрьском номере журнала «Гайко Форум» не кто-нибудь, а тогдашний посол Японии в России Минору Тамба. Статья называлась весьма претенциозно: «За развитие многоярусных японо-российских отношений». Можно не сомневаться, что это была высказана сугубо официальная точка зрения японского «политического истеблишмента». А «многоярусность», по-видимому, заключалась в том, что японцы, по обыкновению, лезли не в свое дело — брались якобы «улаживать» наши отношения с Китаем. За наш счет, разумеется.

Глубокоуважаемые Тамба-сан и К^о ! Будьте так любезны, громоздите свои «яруссы» без нас! А с Китаем мы как-нибудь попытаемся договориться без вашей помощи — у нас есть о чем с ним поразмышлять сообща. Во время и после Второй Мировой у нас это очень даже неплохо получалось, пока Хрущеву не вздумалось выяснять отношения с Мао Цзе-дуном. Наследие той конфронтации достаточно тяжелое, но преодолимое. Без посредников вроде «наследников Мэйдзи».

Обращало на себя внимание всеобщее единство взглядов авторов весьма многочисленных публикаций японских политологов в начальный период президентства Путина. Увы, многолетняя обработка общественного сознания японцев в духе враждебности к нашей стране якобы из-за «северных территорий» дала свои плоды — смена первого лица в России обострила японское общественное мнение в сторону представления об «агрессивности» России. И если бы это касалось только японцев! Нет, в эту омерзительную пропагандистскую трескотню включились и наши сограждане. В 2000-2003 гг. появилось аномально много литературы как на русском, так и на японском языке, вышедшей из-под пера российских публицистов и научных работников-японоведов, которые еще с начала 90-х годов стали ревностно поддерживать японские территориальные притязания. «Почему-то» никаких проблем ни в издании подобных материалов, ни в их распространении не возникало, тогда как работы, защищающие и пропагандирующие противоположную точку зрения, пробивали себе дорогу с величайшим трудом. Картина очевидна — за поддержку территориальных претензий Японии «нейрояпонофилы» получали щедрые гонорары от японских издательств и прочих учреждений типа Японского фонда и подобных ему (пресловутое общество *Russo-Japanese War Research Society* — из той же обоймы). Это и пухлая монография Б. Славинского «СССР и Япония — на пути к войне», и ряд трудов

К. Саркисова, и «новые» (хотя по сути уже протухшие) труды Г. Кунадзе. Пересказывать их содержание просто стыдно, поскольку эти «исследователи» ничем не отличаются от самых наижелтейших представителей «второй древнейшей профессии».

Как же повел себя в этой ситуации Путин?

В его заявлениях, сделанных уже в ранге избранного Президента, не проявилось сколько-нибудь заметного стремления изменить ельцинский курс в отношении Японии. В частности, в его письменных ответах на вопросы газеты «Асахи симбун», опубликованных в начале сентября 2000 г., очевидным образом просматривалось намерение продолжать подготовку к подписанию «мирного договора». Путин не отрицал также готовности подписать оный договор в течение 2000 г., как обещал Ельцин. Правда, предельные сроки окончания переговоров он не обозначил столь же конкретно, что и Ельцин. Это немедленно насторожило японцев и побудило их настаивать на скорейшем визите Путина в Японию. Путинские намеки явно «попали в тон» оптимистическим заявлениям премьера Обути и генерального секретаря кабинета министров Японии Макино Аоки, сделанным еще в начале года: *«Ельцин по своей воле избрал Путина своим преемником. Поэтому можно ожидать, что он унаследует энтузиазм, волю и устремления бывшего Президента»* (Обути); *«Хотя Ельцин приехать не смо-*

жет, мы надеемся, что задачи могут быть решены, если следовать выбранному пути» (Аоки).

Заметим, что Кэйдзо Обути поздравил Путина с избранием на высший государственный пост уже на следующий день после президентских выборов и выразил уверенность в поступательном развитии партнерских отношений между Россией и Японией. Он получил согласие Путина на неформальные контакты и тесное взаимодействие лидеров двух стран (как видно, ельцинские «встречи без галстука» вызвали гораздо больший энтузиазм, нежели официальные саммиты). Все шло к тому, что скоро начнутся показательные выступления Путина на пару с Обути по дзю-до и горным лыжам.

Да вот — вмешались непредвиденные обстоятельства — Кэйдзо Обути, сфокусировавший в своей персоне надежды японцев на скорейшее подписание желанного договора с «прихватом» Курил, скоропостижно скончался. Пришлось японской стороне несколько «тормознуть» подготовку к российско-японским встречам на высшем уровне до выяснения нового «расклада» персон в кабинете министров.

Кресло премьера занял Ёсиро Мори, который достаточно быстро — через несколько недель — обратился к Путину с призывом посетить Японию. Одновременно он сделал ряд заявлений, обращенных к японской общественности, из коих следовало, что его

намерение заполучить четыре южнокурильских острова является окончательным и бесповоротным. Единственное «послабление», которое видится Мори как возможное для российской стороны, — это немедленная передача после подписания мирного договора не всех четырех, а только двух островов, упоминаемых в Декларации 1956 года. Что же до Кунашира и Итурупа, то они перейдут к Японии спустя некоторое время.

Мори, конечно, перед этими заявлениями забыл спросить российскую сторону — а что она-то по этому поводу думает?

Путин в ответе на приглашение воздержался от комментариев по поводу наглых заявлений Мори, но дал согласие на приезд в Токио в сентябре 2000 года. В ожидании приезда Путина Мори пережил немало отрицательных эмоций в связи с парламентскими выборами в июне 2000 г., в результате которых правящая коалиция правых партий потеряла значительное число мандатов. Стоял вопрос даже о потере либерал-демократами премьерского поста, но, потеряв немало «перьев из хвоста», Мори все же удержался в своем кресле. Это резко повысило его надежды на повышение своей политической популярности за счет успешных переговоров с Путиным.

Путин явился в Японию в сопровождении целой «армады» высокопоставленных чиновников и бизнесменов, являющих своим

присутствием большую заинтересованность России в расширении добрососедских отношений с Японией.

С японской стороны, Путину были оказаны особые почести «по высшему разряду», вплоть до посещения императорского дворца и беседы с императором и императрицей.

С нашей стороны, стремление Путина и его супруги удивить хозяев пристрастием к японским обычаям и нравам вызвало даже недоумение, граничащее с легким шоком.

Так, г-жа Путина на официальном вечернем приеме у Мори появилась в кричаще национализированном японском наряде (кимоно, гэта и прочие атрибуты, соответствующие фигурам японских, но никак не европейских женщин — можно представить, как нелепо она выглядела). Похоже, молодой Людмиле очень уж запахла в свое время в душу та самая шуточная песенка 80-х годов про кимоно, написанная от лица непроходимой дуры, жаждущей приобщиться к мировому прогрессу, но в упор не знающей, как это сделать.

Впрочем, сам г-н Путин ее перещеголял, выйдя на публику во время посещения спортивного дворца «Кодокан» босиком и в одеянии дзюдоиста. Он пожелал померяться силами с одним из ведущих мастеров дзю-до Японии, который быстренько устроил сам себе «ипон», чтобы порадовать важного гостя. А затем Путин

уже и сам «заипонился» в показательном поединке с молоденькой дзюдоисткой.

Кто подбил чету Путиных позориться перед японцами, всегда насмешливо-презрительно относящихся к иностранцам, пытающимся копировать японскую «экзотику», остается государственной тайной. Одно несомненно: авторитета у японцев и тем более у своих Путин себе этими спектаклями никоим образом не прибавил.

Основное же время Путин и его свита посвятили главным образом расширению экономических связей. К этому были вполне объективные причины — на 1999 г. японо-российский товарооборот составил около 5 млрд. долл. Для сравнения: в том же году товарооборот с Китаем у Японии составил 75 млрд. долл., а с США — 222 млрд. долл. Поэтому стремление Путина использовать визит в Токио для вывода российско-японских отношений из жалкого состояния представляется естественным. Специально «под визит» в Москве было разработано несколько программ расширения двустороннего экономического сотрудничества. Но чем могли заинтересовать японцев — признанных мировых лидеров в области высоких технологий — лихие «реформаторы», точнее, организаторы полного развала экономики России? Только энергетическими поставками. Главное внимание было уделено планам огромных поставок в Японию российской электроэнергии. Центральное ме-

сто занимал проект энергомоста «Россия-Япония», предусматривающий постройку на Сахалине крупной ТЭС, работающей на местном газе, и прокладку четырех подводных кабелей через пролив Лаперуза на Хоккайдо. Предполагалось передавать до 25,5 млрд. кВт-ч электроэнергии в год.

За этим проектом явно просматривалась фигура А. Чубайса, ставшая в России настолько одиозной, что даже прорежимная газета «Известия» оценила проект скептически: «Пикантность ситуации в том, что электроэнергия будет экспортироваться из региона, находящегося в состоянии перманентного энергетического кризиса».

Газета, увы, как в воду пролива Лаперуза глядела — всего несколько месяцев спустя, зимой 2000-2001 года в Приморье разразился такой катастрофический энергокризис, что не то что Чубайсу, а любому, кто вспомнил бы этой зимой на Сахалине о сентябрьском прожекте, было бы несдобровать — наверняка его засунули бы под лед в том самом проливе.

Не больше вдохновения на предмет инвестиций вызвали и другие подготовленные российской стороной проекты — строительства на Дальнем Востоке крупной АЭС, часть энергии которой передавалась бы в Японию, строительства туннелей, связывающих Сахалин с Хоккайдо и с материковой частью России (продолжение Транссиба) и т.д. Японская сторона охотно подписывала деклара-

тивные документы, ни к чему ее не обязывающие, но и только. Полная аналогия: при обсуждении с солидным бизнесменом не так уж сложно подписать договор о намерениях или даже договор о творческом содружестве, за которыми не стоит никаких денег. Но как только речь заходит о выделении под научную или изобретательскую деятельность заметных сумм, то бизнесмены становятся тупыми, слепыми и глухими и перестают понимать, о чем вообще идет речь.

Весь набор подписанных декларативных бумаг рассматривался японской стороной только как средство «размягчения» позиции России в территориальном вопросе, а ни о каких серьезных инвестициях японские дельцы не думали. Слишком хорошо они были осведомлены о развале экономики России и Дальнего Востока — в особенности — чтобы вкладывать деньги в пустоту. Их точку зрения выразил все тот же профессор Хироси Кимура — эксперт-«русовед» и по совместительству «рупор» японского политического истеблишмента. Реальная значимость подписанных экономических соглашений сводилась им к нулю: *«Они позволяют Японии притворяться, что она заинтересована в экономическом сотрудничестве с Россией. Однако их цель — не прерывать диалог по территориальному вопросу».*

Действительно, как только речь зашла о «совместном хозяйственном освоении» южных Курил, «понятливость» японской сто-

роны резко возросла. Идея этого совместного освоения была предложена «мидовской мафией» (опять компьютер возмущается буквенной путаницей!) в период, когда ее возглавлял Е.М. Примаков. Как эту идею понимали японцы, четко и ясно было сказано в книге «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией», изданной летом 2000 г. в Москве и обращенной к российской (!) общественности. Именно:

«Совместное японо-российское экономическое освоение Северных территорий будет осуществляться таким образом, что российская сторона предоставит землю и дешевую рабочую силу, а японская – все остальное: капиталовложения, технику, технологию и рынок. В результате совместного экономического освоения под руководством Японии и в связи с возрастанием ее экономической мощи северные острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп постепенно перестают отличаться от территории Японии. Затем в определенный момент эти острова становятся территорией Японии и происходит их возвращение Японии как юридически, так и формально».

Вообще эта книжица за подписью Итиро Суэцугу, изданная на японские деньги и напечатанная не где-нибудь, а в типографии Управления делами Президента РФ (!!), явилась квинтэссенцией информационной войны, собрав под одной обложкой несусветное количество наглого вранья и бесцеремонного представления всего,

что связано с понятиями «Россия», «русские» и тем паче «советские», в виде эдакого тупого агрессивного быдла. Впечатление от этого опуса однозначно: мы — рабы, японцы — господа.

Но, заметим в скобках, что даже в классическом рабовладении, оставшемся в истории черным пятном на протяжении тысячелетий, рабство было следствием военных поражений. Как только процветающее рабовладельческое государство прекращало захватнические войны, дающие приток рабской рабочей силы, оно неминуемо начинало приходить в упадок.

Здесь же мы имеем позу рабовладельца в исполнении *разгромленной* нами (вместе с союзниками) страны. И вместо того, чтобы запустить в наглуемую физиономию подобные опусы, плюнуть вслед и напрочь исключить из обсуждаемых тем любые территориальные вопросы, мы снова и снова мусолим осточертевшие «проблемы», которые никакими проблемами не являются!

По-видимому, после подписания кучи пустых деклараций об «экономическом сотрудничестве» Мори и К^о были почти уверены, что «дело в шляпе», и переговоры с Путиным представят собой продолжение переговоров с Ельциным.

Японцы выдвинули все те же требования на четыре южных Курильских острова. Ссылаясь на устное согласие Ельцина, данное «другу Рю» — Хасимото — в состоянии хорошего подпития во время «безгалстучной» встречи, Мори и его помощники пред-

ложили Путину безотлагательно согласиться на «демаркацию» российско-японской границы к северу от о. Итуруп. Такое согласие автоматически означало бы, что «спорные» четыре острова окажутся на японской территории.

К величайшему изумлению японской стороны, Путин нашел в себе твердость воспротивиться бесцеремонному японскому давлению. Он вежливо, но достаточно уверенно дал понять, что не намерен слепо следовать безмозглому курсу своего предшественника. Он обратил внимание Мори на то, что даже в весьма привлекательных для японцев формулировках, подписанных Ельциным, не содержится жесткого обязательства обеих сторон непременно *подписать* пресловутый «мирный договор» в течение 2000 года, а лишь фигурирует намерение *«прилагать усилия»* к подписанию такового в указанный срок. Что же до «демаркации», якобы набормотанной Ельциным в «доверительных беседах» с «другом Рю», то ни в одном из подписанных Ельциным документов такая не фигурирует.

Тем самым Путин недвусмысленно отмежевался от ельцинских «смелых политических решений». Более того, он представил на рассмотрение проект переработанного «Договора о мире, дружбе и сотрудничестве», отвергнутого, как мы помним, при Ельцине японской стороной.

В новом варианте проекта Договора вступлению его в силу должно предшествовать подписание «мирного договора» с тем, что обсуждение территориального спора будет отложено на будущее — до того времени, когда упрочатся «добрососедские, дружественные связи между двумя странами». Надо ли говорить, что предложение Путина было также без промедления отвергнуто Мори. На этот счет правительственная японская газета «Дейли Йомиури» горестно констатировала (6 сентября 2000 г.) : «В ходе своих переговоров в вопросе о претензиях Японии на возвращение ей спорных островов к востоку от Хоккайдо оба лидера оставались так же далеки друг от друга, как и всегда прежде».

Но для Мори возникший тупик был чреват политической катастрофой — его популярность, как показали июньские парламентские выборы, и так стремительно падала. Со своей стороны, Путин, понимая пустоту всех подписанных экономических «соглашений о намерениях», не был настроен приезжать из Японии с пустыми руками (разве что с липовым успехом в спортивном спектакле).

При таких обстоятельствах для обеих сторон приемлемым выходом из очередного идиотского положения (в этом смысле продолжение ельцинской линии было налицо) стало подписание совместного меморандума о готовности продолжать двусторонние

переговоры с целью устранения разногласий и скорейшего подписания мирного договора.

Такой документ был подписан, и сам факт его появления на свет, увы, показал, что политическая воля Путина явно иссякла на отказе от «демаркации а-ля пьяный Ельцин». Снова, как и в памятном документе, подписанном Горбачевым, в качестве спорных островов упомянуты все четыре южных Курильских острова, и выработка мирного договора ставится в зависимость от «решения вопроса об их территориальной принадлежности». В общем, все та же «чужая колея», выражаясь словами великого барда Владимира Высоцкого. Путин вместо решительного прекращения территориальных споров — подобно советской дипломатии — попытался всего лишь «приглушить» эти споры, отложив на какое-то время их обстоятельное рассмотрение.

Свою неспособность четко обозначить позицию российской стороны открыто признал и сам Путин на итоговой пресс-конференции в Токио: «Что нужно сделать для окончательного решения проблемы, которая существует между Россией и Японией? — задал он вопрос и сам же ответил: — «Если бы мы это знали на 100 процентов, то, наверное, сейчас отвечали бы на другие вопросы».

Ай да политика!

Едва ли не каждая московская газета оценивала итоги Токийской встречи на свой лад, в зависимости от степени отношения к национальным интересам России. А если, вспоминая Сталина, понимать, что буржуйская точка зрения всегда замешана на купле-продаже, то практически во всех проправительственных и коммерческих газетах сквозили циничные заявления, сводящиеся к возможности выгодной продажи Курил, которую Путин, увы, не сумел осуществить. Сами насквозь продажные, борзописцы от «желтой прессы» с одной стороны, так и не получили ясного представления о позиции Путина в территориальных переговорах, с другой — продемонстрировали, что их собственная позиция по сути не отличается от интернетовских недорослей из «поколения пепси», рассуждающих не выше уровня «Курилы-то — во-она где, а жрать-то надо!».

Тем самым, увы, приходится констатировать, что наиболее громкий голос в России сегодня имеют одноклеточные, обладающие единственной извилиной, и той — в области заднего прохода.

В отличие от российской прорежимной прессы, неспособной оценить, удачными или неудачными были переговоры в Токио, японцы в своих оценках были куда определеннее. В оценках преобладали пессимистические ноты — Мори окончательно попал в политические неудачники. Газета «Джапан таймс», например, прямо заявила: *«Провал переговоров, направленных на сокращение*

разногласий между сторонами, существующих по вопросу о суверенитете над четырьмя островами, прилегающими к Хоккайдо, с очевидностью говорит о том, что мирный договор остается таковой же иллюзией, как и прежде».

Такие сетования российскую общественность никак не могли огорчать. Зато «мидовская мафия» вместе с достаточно большой «ордой» журналистов и «научных работников» из числа «японофилов», уже по уши погрязших в небескорыстной «дружбе» с японцами, чувствовали себя весьма дискомфортно. Для этой «публики» японская «подмазка» оставалась и продолжает оставаться куда более важным делом, чем защита чести и территориальной целостности своей страны. Да вообще-то, Россия для них вовсе не своя, а «эта страна».

Поэтому сразу же после завершения токийской встречи началась подготовка к новому «раунду переговоров», в которой мидовские «японофилы» развили достаточно «бурную деятельность». Уцепившись за одобрительное высказывание Путина о Декларации 1956 года, эта публика в порядке подготовки к саммиту усиленно совещалась с коллегами из японского МИДа на предмет поэтапной передачи островов Японии — не сразу всех четырех, а сначала Шикотана и Хабомаи (якобы в порядке выполнения обещаний СССР от 1956 г.), а потом двух остальных.

Аналогичная группа «русифилов» из МИДа Японии возглавлялась Мунэо Судзуки — одним из влиятельнейших политиков, возглавлявших правящую либерал-демократическую партию, и руководителем одного из МИДовских департаментов (отделов, по нашему) — Кадзухико Того. Оба пользовались в политических кругах Японии репутацией наиболее осведомленных знатоков России, а в переговорах с российской «мидовской мафией» усиленно (и безуспешно) выдавали себя за «самых надежных» друзей России.

Хоть бы «господа мидовцы» обратили внимание на их фамилии — может, и вспомнили бы тогда наши жулики от дипломатии о чести России!

Иркутская встреча Путина с Мори 25 марта 2001 г., ради которой так старались мидовские деятели с обеих сторон, ничего нового не дала. Можно, конечно, признать «новым» тот факт, что Совместная декларация 1956 года признана «базовым юридическим документом», но новизны в этом не более, чем в той мыши, которую родила гора. Тем не менее в этой «новизне» — отзвуки секретных переговоров на мидовском уровне.

«Неторопливость» Путина на пути к очередному позору России в общем понятна. А вот что случилось с Мори, который на недавней токийской встрече напоминал легендарного ишака Ходжи Насреддина, которому хозяин для резвости мазнул скипидаром

под хвостом? Его будто бы подменили — никакой активной позиции на предмет «срочно верните наши острова» он не проявлял.

Все просто — Мори после токийской встречи за истекшие полгода настолько потерял популярность, что незадолго до поездки в Иркутск объявил о своем намерении уйти в ближайшее время в отставку, т.е. стал, по выражению политических комментаторов, «хромой уткой». Следовательно, принимать на себя ответственность за важные политические решения Мори был не вправе. Единственная попытка «всунуть» в совместное заявление от 25 марта вместе с Шикотаном и Хабомаи Кунашир и Итуруп как якобы предмет переговоров 1956 года была Путиным отклонена.

Однако, со своей стороны, Путин «забыл» о документах 1960 года, где, как мы знаем, передача вообще каких-либо территорий исключалась из-за отказа Японии убрать со своей территории иностранные военные базы. Американские базы обретаются на японской территории по сей день. Но ни на одних постсоветских (вернее, антисоветских) переговорах этот факт не обсуждался!

«Забывчивость» Путина дала возможность вспомнить о советской позиции... японцам. Именно, агентство «Киодо Цусин», комментируя итоги иркутской встречи, сообщило, что российская сторона отошла от «жесткой позиции», занимаемой советским руководством на протяжении 60-80-х годов. Высветилась готовность Москвы к обсуждению возможных территориальных уступок

японцам в пределах, допускавшихся в период до 1960 года Совместной декларацией 1956 года. Но особенный энтузиазм вызвало устное заявление Путина, о котором сообщил Мори, уходя в отставку.

Якобы Путин сказал: *«Передачу Японии Хабомаи и Шикотана сейчас трудно реализовать. А вот если меня переизберут на второй срок, то я приложу все силы для возвращения Японии этих островов».*

Российской стороной это заявление, многократно цитируемое японской прессой и политическими комментаторами на протяжении всех последующих лет вплоть до настоящего момента, официально не подтверждалось.

Японская же сторона цитировала Путина с обидой и напускным возмущением. Ее позиция полностью соответствовала пресловутой пропагандистской книге «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией»: «В настоящее время вопрос с японской стороны стоит принципиально: возврат всех северных островов: Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп или — ни одного!»

Казалось бы, сами японцы дают возможность поставить точку — ни одного острова, и вопрос закрыт! Но — это если выплеснуть «ведьмино варево». А как это сделать, если мидовская мафия продолжает орудовать своей мешалкой?

В апреле 2001 г. к власти пришел новый премьер — Дзюньитиро Коидзуми.

Коидзуми в своем взлете явно претендовал на роль «харизматического лидера» — всегда энергичное выражение лица с признаками твердости характера и смелости в принятии решений, спортивная фигура, воскрешающая в памяти лучшие традиции самурайских единоборств, пышная копна вьющихся волос — в общем, внешний облик соответствует как мужскому, так и женскому обожанию. Похоже, изучив российский опыт с преемственностью «Ельцин-Путин», японцы решили применить нечто подобное в виде «Мори-Коидзуми». Даже политический дебют Коидзуми в двусторонних отношениях с Россией до безобразия напоминал сентябрьский визит вместе с Путиным целой армады бизнесменов — в Россию отправилась бравая компания из 240 (!) дельцов во главе с президентом Японской федерации экономических организаций Такэси Имаи. Визит был весьма длительным — более месяца японские бизнесмены обстоятельно знакомились с положением дел в российской экономике, а в конце мероприятия (8 июня) были приняты в Кремле Путиным.

Предполагалось, что столь крупная группа деловых людей, представляющих практически все отрасли японской экономики, выработает конструктивную программу решения «стратегических задач» в российско-японских отношениях. Но, по всей видимости,

эти предположения были односторонними — без увязки с решением территориальных вопросов, а посему никаких ощутимых результатов это турне не принесло. А ведь немалые деньги, истраченные на это мероприятие, вполне заслуживали лучших вложений!

Практически сразу после этого турне последовала предельно наглая акция японской дипломатии. Новоиспеченный министр иностранных дел Японии госпожа Макико Танаки отправила в Москву категорическое требование пересмотра решения о предоставлении южнокорейским рыболовецким компаниям прав на промысел в районе южных Курил. Вроде как Япония считает эти воды (по всем международным правилам — территориальные воды России) «своей исконной территорией». Одновременно с посланной нотой г-жа Танаки выступила в том же духе в парламенте.

Как будто вернулись царские времена кануна русско-японской войны!

Руководство российского МИДа, с козыревских времен обычно уступавшее японскому давлению (с явным одобрением и поддержкой США), на этот раз набралось духу и ответило на возмутительную ноту отказом.

Но как аргументировался этот отказ? Вместо твердого и решительного разъяснения в духе «не ваше собачье дело — хозяйничать в чужом доме» последовали какие-то жалкие увертки типа

невразумительных бормотаний школьника, застигнутого учителем за неприличным занятием. Особенно досадным лепетом выглядели эти шлепанья губами на фоне резкого осуждения японского вмешательства в чужие дела, отправленного в адрес Японии правительством Республики Корея.

Право, спасение от японцев корейского вана Коджона в 1896 г. выглядело куда более благородным и гордым делом для России, чем этот позорный лепет. Мы помним, что победа Японии над Китаем повлекла за собой ожесточенную экспансию японцев в Корею, где под видом «наведения порядка» т.е. подавления крестьянских выступлений («тонхак») японцы по сути заключили Коджона под домашний арест и создали марионеточное прояпонское правительство.

Однако королева Мин, роль которой поначалу японцы явно недооценили, заняла резко антияпонскую позицию, установила связи с руководителями движения «тонхак» и стала символом народного сопротивления. Японцы с помощью купленного корейского отребья организовали 26 сентября 1895 г. убийство королевы, а Коджона заставили издать несколько самых непотребных указов, вызвавших взрывоопасную ситуацию как в самой Корее, так и за рубежом — ведь «котел ведьм», как мы знаем, именно в это время и ставился на костер. Чтобы «смягчить» международную обстановку, японцы отозвали на родину посла в Корее вместе

с 47 «подозреваемыми в организации убийства» (!) королевы и для вида предали их в Токио суду. Надо ли говорить, что все это был чистейший спектакль — никто из «подсудимых» осужден не был.

А Коджон-то продолжал сидеть под арестом! С одной стороны, он совершенно резонно опасался повторения судьбы королевы применительно к своей персоне, с другой — не менее резонно боялся покушения со стороны корейских патриотов — ведь указы-то под диктовку японцев он издавал!

Он нашел единственный выход — 21 января 1896 г. российскому поверенному в делах К.И. Веберу была передана записка от вана, в которой тот выражал просьбу позволить ему переехать в российскую дипломатическую миссию. Вебер вызвал из Чемульпо, где в этот момент стоял наш крейсер «Адмирал Корнилов», 127 русских военных моряков, которые немедленно — уже вечером 29 января — прибыли в Сеул якобы для «защиты здания Российской дипломатической миссии». А 30 января (по новому стилю — 11 февраля) Коджон вместе с наследником престола и двумя фрейлинами, переодевшись в женское платье, сумел сбежать из японского плена и перебрался в русскую миссию, где находился почти год.

Так что сто с лишним лет назад российские дипломаты умели проявить твердость там, где это было необходимо и — главное! — соответствовало интересам России. А сегодня? Поза «виноватого дебила» перед классным руководителем?

Такая позиция, весьма схожая с «политикой умиротворения» Гитлера западными державами накануне Второй мировой, ничего полезного для России не принесла и не могла принести. Напротив, чем дальше мусолился «территориальный вопрос», тем больше укреплялись надежды японских политиканов на конечный успех заведомо неправомочных устремлений.

«Пробный шар», запущенный режимом Коидзуми, непосредственного результата не принес. Но он позволил обозначить «решительную позицию» нового японского руководства в «проблеме северных территорий». Г-н Коидзуми неустанно «раздувал свою харизму». Однако это занятие нежданно-негаданно высветило новые аспекты деятельности МИДа Японии, дотоле рассматривавшегося как политическим истеблишментом, так и общественным мнением в ореоле бескорыстного поборника национальных интересов своей страны.

На протяжении многих лет молчаливо предполагалось, что японские политики и дипломаты, упорно ведущие тяжбу по поводу южных Курил с «северным соседом», не преследовали в этом занятии никаких личных выгод. Весной 2002 года «грянул гром с ясного неба» — выяснилось, что целая группа высокопоставленных мидовских чиновников в контактах с российскими коллегами преследовала сугубо своекорыстные цели, т.е. погрязла в самой банальной коррупции.

Почва для коррупции была хорошо «унавожена» практикой скрытого подкупа советских (горбачевского времени), а потом и российских государственных деятелей, дипломатов, журналистов, ученых мужей, к которой стали широко обращаться руководители внешней политики Японии с конца 80-х годов истекшего века. Достаточно вспомнить еще раз визиты в Японию «пузырей перестройки» и «Программу пятиэтапного решения территориального вопроса». Все эти визиты, выступления, пребывания в японских отелях с большим числом звездочек, издания книг, брошюр, журнальных статей щедро оплачивались японской стороной — разумеется, в тех случаях, когда в них звучала готовность идти на встречу японским притязаниям. Но такая практика искушения как «перестраивающихся», так и уже «перестроившихся» на шкурный лад российских деятелей не могла не вызвать соблазна и у самих японских представителей. В особенности удобно было использовать затянувшуюся территориальную тяжбу для набивания собственных карманов тем, кто по долгу службы был связан с предпринимательскими кругами обеих стран.

Ну как тут снова не вспомнить Сталина, который всегда исходил из торгашеской сущности буржуйской внешней политики и никогда в этом плане не ошибался!

Скандал, вспыхнувший в японском МИДе и одновременно в парламенте, получил в общественном мнении название «дело Судзуки».

Мунэо Судзуки, как мы помним, возглавлял группу «русифилов», весьма активно ведущих переговоры с руководством российского МИДа в течение ряда лет. Сам Судзуки никаких влиятельных постов в МИДе Японии не занимал, но, будучи депутатом парламента от правящей либерал-демократической партии, приобрел в дипломатических кругах такое влияние, что журналисты стали именовать его «теневым министром иностранных дел». Особенно «большой вес» Судзуки набрал в период реализации бредовой идеи Примакова о «совместном освоении» южных Курил. К этому были вполне определенные предпосылки.

Дело в том, что избирательный округ Судзуки находился на севере Хоккайдо — в непосредственной близости от вожделенных островов Курильского архипелага. Естественно, что Судзуки был крайне заинтересован в поддержке предпринимательских кругов этого района — как во время избирательных кампаний, так и при лоббировании деловых интересов предпринимателей Хоккайдо в парламенте. Так сказать, рука руку моет (но народная мудрость не случайно упразднила вторую половину этой поговорки — практика показывает, что в фигуральном смысле чистыми обе руки от этого не становятся, скорее наоборот).

Судзуки по настоятельным рекомендациям деловых кругов Хоккайдо бывал в Москве значительно чаще, чем любой другой политик или бизнесмен. Но его бурная деятельность в области японо-российских отношений была пронизана не столько высокими помыслами о благе Японии, сколько заботами о собственном кармане и выгодах своих «денежных мешков», поддерживающих его на выборах. В частности, Судзуки неоднократно произносил пламенные речи в парламенте о всемерном оказании «гуманитарной помощи» населению Курильских островов — разумеется, за счет государственного бюджета.

В дальнейшем, правда, выяснилось, что с просьбами об оказании этой самой помощи российская сторона ни разу не обращалась. Но — раз Судзуки призывает ее оказывать, значит — вперед и с песней! (население Курил, между прочим, тоже ничего не знало о «гуманитарной помощи» японцев). Именно Судзуки был также инициатором выделения бюджетных средств связанным с ним фирмам Хоккайдо для оплаты подрядов на различные строительные работы на Курилах (весьма выгодных для этих фирм).

Так, фирмы «Ватанабэ Кэнсэцу» и «Инугаи Комутэн» получили в 1999 г. по протекции Судзуки заказы на строительные работы на о. Кунашир на сумму 400 млн. иен, из которых в избирательный фонд Судзуки (читай — в карман) перетекло 8,7 млн. иен. Это — только за один год и только от двух фирм. А кто сказал, что

этим дело ограничивалось? В ходе «разматывания» клубка коррупционных махинаций Судзуки «всплыла» цифра 45,5 млн. иен, полученных им от восьми хоккайдских компаний в течение «совместной деятельности по освоению Курил». А сколько еще не всплыло?

Само собой, столь сильное влияние Судзуки на деятельность японских предпринимателей в районе южных Курил не могло иметь места без теснейших связей с верхушкой МИДа — разумеется, закулисных. Так, в махинациях с «гуманитарной помощью» и строительными работами оказались замешаны К. Того — бывший советник-посланник посольства Японии в Москве, затем директор мидовского департамента Европы и Океании; М. Сато — ведущий эксперт по делам России, правая рука Судзуки во всех поездках в Россию; Т. Мори — посол Японии в Казахстане, бывший сотрудник Того; М. Нисимура — эксперт по России и по совместительству представитель Японии при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); А. Маэдзима — сотрудник российского департамента по России, курировавший оказание «помощи» южным Курилам и ряд других официальных лиц.

Эта «теплая компания» многократно в ходе «доверительных переговоров» пыталась втянуть российскую сторону в поиски «взаимоприемлемых компромиссных решений», причем чем дольше тянулись переговоры, тем больше денег можно было тя-

нуть из бюджета. Так что Судзуки и К^о, по сути, не только не были заинтересованы в скорейшем решении территориального вопроса в пользу Японии, но, напротив, стремились превратить переговоры в по возможности бесконечную «говорильню».

В бытность премьером Ёсиро Мори группе Судзуки удалось фактически диктовать свою волю этому недалёковидному и вообще неопытному в дипломатических делах политику. Стратегия Судзуки и его сообщников сводилась к тому, чтобы, используя аморфность позиции российских дипломатов, наращивать присутствие Японии на южных Курилах, временно откладывая на второй план притязания Японии на немедленный административный контроль над всеми четырьмя островами.

Однако с выходом Мори в отставку «линия Судзуки» стала подвергаться все более резкой критике. К февралю 2002 г. установки Судзуки вообще громогласно были объявлены порочными. Этому способствовала, как ни странно, отставка с поста министра иностранных дел г-жи Танаки, вошедшей в конфликт с группой высокопоставленных чиновников МИДа.

Дело в том, что при всей своей «головотяпской» нетерпимости г-жа Танаки не была настроена против лично Судзуки и его группы. Поэтому до поры до времени критика в их адрес носила неконструктивный характер. Кроме того, г-жа Танаки была, как и

Судзуки, депутатом парламента и не могла не считаться с его парламентским авторитетом.

Сменившая Танаки на посту министра г-жа Ёрико Кавагути никак не была связана с парламентом и работала ранее во внешне-торговых ведомствах, не заинтересованных в особых льготах хоккайдских компаний. Поэтому новая «министриса» немедленно обнаружила крайнюю неприязнь к Судзуки и решительно осудила его курс на экономическую экспансию Японии на южные Курилы, особенно под предлогом «гуманитарной помощи». Явившись для выступления в парламент, г-жа Кавагути яростно отвергла возможность отступления правительства от требования немедленного установления административного контроля Японии над всеми четырьмя островами. Параллельно премьер Коидзуми уполномочил Кавагути начать расследование незаконных махинаций, связанных с «гуманитарной помощью». Вскоре генеральный секретарь кабинета министров Я. Фукуда заявил о пересмотре всей программы названной помощи. Этот пересмотр выразился в том, что 2,5 млн. долл. (около 285 млн. иен), предназначавшиеся из бюджета 2002 финансового года на оказание «гуманитарной помощи» южным Курилам, были заморожены. Вместе с этим развернулась персональная атака на Судзуки с обвинением его не только в финансовых махинациях, но и чуть ли не в государственной измене. Сам Судзуки 15 марта 2002 г. объявил о готовности взять на себя всю

ответственность за разразившийся скандал и по этой причине выйти из рядов правящей партии.

Заметим: Судзуки объявил о готовности отвечать за свои действия, но не о согласии с неверностью своей линии! Это означало, что Коидзуми вместо взлета своего рейтинга до небес получил резкое падение как своего личного «индекса популярности», так и авторитета правящей партии. Скандал-то успел перерасти рамки борьбы с коррупцией и принял политический характер! Сработала диалектика: каждый, кому предлагали максимально шельмовать Судзуки, задумался: а так ли уж он был не прав с упором на экономику в российско-японских отношениях? А что погрел на этом руки — так кто из высших чиновников без греха?

Коидзуми, чувствуя падение популярности своего кабинета, пошел ва-банк. В апреле по распоряжению «министрисы» Кавагути сразу на 34 чиновников министерства были наложены взыскания по обвинению в «неустановленном сотрудничестве» с Судзуки. Особенно тяжкое наказание было придумано для Того — общепризнанного «специалиста» по России и ближайшего друга Судзуки. В это время он находился на посту посла Японии в Голландии. Указом министра он был снят с этого поста с предписанием немедленно возвратиться в Японию для формального отстранения от должности. Аналогичное предписание получил и Т. Мори — посол

Японии в Казахстане. Оба 26 апреля были уволены из штата сотрудников МИДа.

Между прочим, Того, считая свое поведение на переговорах о мирном договоре с Россией правильным, не подчинился приказу министра и отказался тотчас же возвращаться на родину. Так что времена харакири, по-видимому, ушли в прошлое. Но варево в «котле ведьм» и не думает переставать бурлить!

От административных мер власти перешли к мерам судебным. Сначала были арестованы М. Сато и А. Маэдзима, затем сначала лишен депутатской неприкосновенности, а потом и арестован и сам М. Судзуки. Ему было предъявлено столько обвинений, что все его влиятельные политические «друзья» поспешили от него отречься — он был исключен из правящей партии, подвергнут судебному преследованию и лишен депутатских полномочий. Блистательная политическая карьера Судзуки рухнула с оглушительным треском.

Но все старания Коидзуми и его администрации показать себя «рыцарями без страха и упрека» по сути ни к чему не привели. Стремление раздуть свою «харизму» явно обозначило не греческое, а российское толкование этого словечка, представляющее собой гибрид из «хари» и «маразма». Весь этот скандал явился тяжелым ударом по престижу либерал-демократической партии. Крайне отрицательно отразилось «дело Судзуки» и на репутации

МИДа Японии — все «репрессии» г-жи Кавагути никак не опровергли того факта, что МИД насквозь пронизан коррупцией.

Мысли нового руководства МИДа устремились в сторону ужесточения территориальных требований к России. Правительство и МИД Японии весной 2002 г. громогласно заявили о своем нежелании вести раздельное обсуждение судеб двух малых и двух больших южнокурильских островов — обсуждение, на которое якобы ранее согласилась российская сторона и которое рассматривалось «группой Судзуки» как успех японской стороны и продвижение в сторону «взаимоприемлемого компромисса».

По сути, такое решение означало провал всех надежд японской дипломатии на быстрое завершение переговоров о подписании «мирного договора» с Россией. Это был одновременно и провал хитроумных комбинаций Судзуки и его сообщников, направленных как на внедрение японского капитала на южные Курилы под видом «гуманитарной помощи», так и на перекачку бюджетных денег себе в карман.

Кремль на этот раз поступил вполне правомерно и разумно, не вдаваясь в пространные обсуждения японских недружественных к нам заявлений, а лаконично отметил неизменность официальной позиции России, суть которой: «южные Курилы — это российская территория».

Казалось бы, на этом августовском заявлении ИТАР-ТАСС можно было, наконец, поставить точку. Представилась прекрасная возможность прекратить дальнейшие переговоры о «территориальной принадлежности» южных Курил. Скандальное «дело Судзуки» и целые «авгиевы конюшни» грязи в стенах японского МИДа дали нашей дипломатии более чем достаточные основания для прекращения бесперспективного и бессмысленного переливания из пустого в порожнее. Но! — наша (а наша ли?) дипломатия этой возможностью не воспользовалась. Скорее всего, сыграли свою роль слишком тесные закулисные контакты наших мидовских чиновников (опять компьютер возмущается путаницей букв!) с нечистыми на руку японскими коллегами. Увы, похоже, что наш МИД вполне заслужил никак не меньших «громов и молний», чем те, которые обрушило на свой МИД японское высшее руководство, но снова и снова возникает грибоедовский вопрос — «а судьи кто?». Вместо «поставленной точки» из стен МИДа потекли публикации с попытками реабилитировать Судзуки и его «поделщиков», представляя их как жертв «злокозненных происков противников российско-японского добрососедства».

Интересно все же — а сколько же денег осело в результате деятельности японских «русофилов» в карманах *российских* «японофилов»? Если бы руководство российского МИДа несло должную ответственность за свои провальные контакты с японскими

жуликами от дипломатии, то наверняка «дело Судзуки» померкло бы перед махинациями, в которых замешаны наши чиновники. Но — увы! — группировка «друзей Японии» продолжает оставаться на руководящих постах российского МИДа как ни в чем не бывало. И подтверждением этому — новые угрожающие чести России акции, связанные с 60-летием Победы советского народа в Великой Отечественной и 60-летием окончания Второй Мировой.

Этому предшествовала, как известно, победа Путина на президентских выборах 2004 г., встреченная японским политическим истеблишментом почти с восторгом. Дело в том, что в японских политических и журналистских кругах все это время мусолилось прощальное заявление Мори о якобы многозначительном устном обещании Путина «решить территориальный вопрос в пользу Японии в случае своего переизбрания на второй срок». И вот этот долгожданный момент в марте 2004 г. наступил!

Отвлекаясь от японских вождедений, нельзя не подчеркнуть то, что в результате столь решительной победы на выборах Путин получил возможность принятия значительно более самостоятельных политических решений, нежели в предыдущее четырехлетие. Все-таки в 2000 г. он пришел к власти как «наследник Ельцина», а теперь — сам по себе. Следовательно, он теперь мог действовать без оглядки на непредсказуемую и вообще «одноклеточную» ельцинскую дипломатию со всеми ее «смелыми политическими ре-

шениями». Но в то же время с момента избрания на второй срок и вся политическая ответственность за будущее как внешней политики, так и России вообще полностью ложилась на самого Путина, и в уродливой тени Ельцина ему уже было не спрятаться.

Премьер Коидзуми уже 15 марта 2004 г. «от всего сердца» поздравил Путина с победой на выборах и в этой же телеграмме выразил нестерпимое пожелание скорейшего возобновления переговоров о заключении мирного договора и, как результат, «усиления ветров в пользу возвращения Японии северных территорий».

Как видно, «ветряная» ассоциация всегда присутствует в японской политике, кто бы ее ни проводил. Как мы помним, ею активно пользовался генерал Умэдзу, лелея замыслы массированного применения против СССР бактериологического оружия с помощью «священного ветра камикадзе». У Коидзуми оружие другое — информационное — а принципы-то те же.

В полном соответствии с Коидзуми действовала и г-жа Кавагути — еще до президентских выборов в России руководство МИДа Японии сообщило общественности о намерении «министрисы» посетить Москву в первом полугодии 2004 года. В поздравительном послании г-жи Кавагути новому министру иностранных дел России С. Лаврову, сменившему И. Иванова, подчеркивалось, что «в японо-российских отношениях главным вопросом остается

подписание мирного договора». Так что и она дама усиленно «пускала ветры», выражаясь языком Ходжи Насреддина.

Определенные надежды на успешное для Японии решение территориального вопроса возлагались японской стороной и на создание осенью 2004 г. японо-российского так называемого «Совета мудрецов», в который были включены авторитетные люди, популярные в широких кругах общественности, но не занимающие в данный момент высших постов в политической иерархии. С японской стороны «партию мудрецов» возглавил не кто иной, как бывший премьер Ёсиро Мори — тот самый, кто запустил в политический обиход версию об устном доверительном обещании Путина пойти на территориальные уступки после переизбрания на второй срок. С российской стороны главным «мудрецом» выступил мэр Москвы Юрий Лужков.

Одни уже эти имена говорят сами за себя — «Совет мудрецов» есть орган мертворожденный.

Несмотря на то, что Мори в своем прощальном заявлении сильно взбаламутил «ведьмино варево», нельзя забывать: сам он ушел в отставку все по той же системе «пипифакса», что и многие его обмишурившиеся предшественники. Так что если он и пользовался определенной популярностью в своих политических кругах, то только скандальной. Что он мог «намудрить» для Коидзуми, влезшем в кресло премьера «на его костях»?

Что же до Лужкова, то его «популярность» в России можно признать еще более скандальной, чем Мори в Японии. Превратив Москву в «черную дыру», сосредоточившую в себе 80% всего российского криминального капитала и усиленно завоевывая себе репутацию «отца города» через отмыв денег и различные «шоу» и «презентации», Лужков снискал лютую ненависть к себе за пределами Москвы и философское отношение москвичей, сходное с притчей о Медведе, переплывшем реку. Увидев множество пиявок, присосавшихся к незадачливому пловцу, его друг Волк предложил свои услуги — дескать, давай я их посдираю. Медведь возразил: «Стоит ли? Ведь эти уже насосались, а новые из меня лишнюю кровь вытянут!»

Да только Медведь из притчи имел вполне достаточно оснований не опасаться активности пиявок (может быть, он имел еще и опыт их лечебного применения), а вот криминал-пиявки Лужкова вполне способны полностью обескровить Москву, а с ней — и всю Россию.

К тому же Лужков никогда не подвизался на дипломатическом поприще. А это значит, что на всех заседаниях «Совета мудрецов» при нем непременно будут мидовские (бедный компьютер!) «суфлеры», позиция которых за последние 15 лет более чем хорошо известна.

Посему весьма сомнительно, чтобы этот «Совет» был облечен какими-то реальными полномочиями в решении вопросов, связанных с выходом из глубокого тупика, созданного усилиями дипломатов обеих стран за много лет.

Г-жа Кавагути выполнила-таки свое намерение — посетила Москву в июне 2004 г. и встретила с С. Лавровым. Главной темой переговоров было, конечно же, обсуждение предстоящего визита Путина в Японию. После встречи г-жа Кавагути дала пресс-конференцию с акцентом на всемерном ускорении этого визита. По тону ее выступления можно было заключить, что с Лавровым все полностью согласовано. Журналисты придали особое значение реплике: «Необходимо заключить мирный договор, решив проблему принадлежности островов, и заложить таким образом основу для стратегического партнерства России и Японии, основанного на подлинном доверии».

Собственно, чему тут было придавать значение? Все те же наглые притязания на то, что Японии не принадлежит, и полная перетасовка условий мирного договора — якобы передача четырех островов теперь уже является необходимым условием заключения такового. Все та же тупая тягомотина, рассчитанная исключительно на «мидовскую мафию».

Впрочем, «звон в лапоть» в исполнении г-жи Кавагути был существенно приглушен самими же японскими комментаторами.

Так, газета «Санкэй Симбун» опубликовала редакционную статью «Дурные симптомы», в которой расценивала итоги встречи Кавагути с Лавровым достаточно скептически. Свое мнение газета пояснила тем, что настойчивые «наезды» Кавагути, в которых она экспансивная дама всемерно пыталась убедить своего собеседника в необходимости «скорейшего решения проблемы принадлежности четырех островов и скорейшего заключения мирного договора», встретили «настойчиво неопределенную позицию Лаврова». Еще большие основания для скепсиса газета увидела в том, что Кавагути не была принята Путиным, хотя все прежние визитеры в ранге министра иностранных дел, как правило, имели встречу с первым лицом.

Министр иностранных дел РФ (с 2004 г.) С. Лавров

Японский политический истеблишмент всерьез обеспокоился: похоже, Мори наврал насчет обещаний Путина подарить острова после своего переизбрания. Визит взбалмошной «министрисы» не принес ничего нового, чего так нетерпеливо ждали в Токио после президентских выборов. Поэтому японское политическое руководство приняло решение существенно ужесточить свою позицию на предстоящих переговорах на высшем уровне: мирный договор может быть заключен *только после признания* суверенитета Японии над четырьмя островами.

Недовольство позицией Москвы, обозначенной на переговорах Кавагути с Лавровым, было выражено газетой «Асахи Симбун» в большой редакционной статье, где утверждалось, что премьер Коидзуми рассчитывает на прорыв в деле заключения мирного договора во время визита Путина в Японию, планируемого на начало 2005 года. Ссылаясь на источники информации в непосредственном окружении Коидзуми, газета выдала комментарий: «Если премьер-министр Коидзуми заключит мирный договор с Россией, то он впишет свое имя в историю, и такое его желание исключительно велико».

Вот так — ни более, ни менее.

Но неужели г-н Коидзуми — первый, кто пытается обращаться с историей как с обитательницей района Иосивари в Токио?

Во-первых, откуда такая убежденность в том, что Путин после победы на выборах начнет принимать любые «самодержавные» решения, игнорируя общественное мнение и мнение парламента?

Сам Путин приложил немалые усилия для того, чтобы сделать парламент полностью «карманным», обеспечив всеми доступными ему способами подавляющее большинство прокремлевской партии «Единая Россия». Главные усилия были направлены на вытеснение из Государственной Думы коммунистов — некогда самой многочисленной фракции. Этот план удался — через всемерное использование «административного ресурса», непомерные финансовые вложения и массивное применение информационного оружия число мест КПРФ сократилось до 57 (практически вдвое против предыдущего состава Думы).

Однако «за фасадом» победных литавр пропутинской фракции просматривались и довольно неожиданные для Кремля сдвиги в парламентском составе, осложнившие проведение «нужных» решений. Так, с треском провалились «Союз правых сил» и «Яблоко», лидеры которых всегда бравировали своими проамериканскими и вообще космополитическими позициями, выдавая их за «истинно демократические». Появление в Думе 29 депутатов фракции «Родина», которую в спешном порядке состряпал сам Кремль для «оттягивания» голосов от КПРФ, хотя и не составило

явной оппозиции режиму, но безусловно увеличило в Думе количество депутатов четко выраженного патриотического настроения. Кроме того, любопытными оказались результаты думских выборов в одномандатных округах, где был избран ряд депутатов, ранее шельмовавшихся «пиарщиками» из СПС и «Яблока» как «красно-коричневые» или «коммуно-фашисты». Как видно, все усилия «нейролингвистов» все же не в состоянии полностью превратить народ в скопище одноклеточных.

Применительно к дальневосточным проблемам это означало, что кремлевским и мидовским сторонникам уступок вздорным японским притязаниям придется постоять под холодным душем. Доля прояпонски настроенных личностей в новом составе Думы существенно уменьшилась, а сторонников твердого отпора японским наездам — соответственно увеличилась.

Так, исчезли из Думы Г. Явлинский, много лет высказывавшийся за безотлагательную передачу всех четырех островов; В. Лукин, фарисейски изображавший всех противников уступок японским домогательствам как тупиц и ксенофобов; Б. Немцов и И. Хакамада, неизменно приглашавшие японцев на южные Курилы для широкого «экономического сотрудничества» и установления «совместного хозяйственного и административного контроля» над всеми четырьмя южными островами Курильской гряды. Понятно, что следом за лидерами своих фракций в таком же духе вы-

сказывались и многие их «подпевалы» из числа «либералов» и «радикал-демократов».

Теперь всей этой публики в Думе не было.

Зато появились: Д. Рогозин (несмотря на всю непоследовательность своих высказываний на общеполитические темы, в части российско-японских отношений он был всегда однозначен: пора положить конец бесплодным переговорам по «мирному договору» с Японией и завершить спор «на принципах исключения каких бы то ни было территориальных уступок»); С. Бабурин, Н. Павлов, Н. Леонов, другие выдвинутцы блока «Родина», стоящие на последовательно патриотических позициях; остались либо были вновь избраны по одномандатным округам такие стойкие защитники чести России, как В. Алкснис, В. Илюхин, Н. Кондратенко и многие другие патриоты, примыкающие как к КПРФ, так и другим партиям народно-патриотической ориентации.

В целом в парламенте нового состава сторонники твердого отпора японским поползновениям приобрели большую численность и больший вес, чем прежде, и это давало повод Путину в последующих переговорах с Коидзуми изменить невнятную «ЕБНО-образную» позицию, на которой он стоял до сих пор.

Так что недалёковидность Коидзуми в части усиления «самодержавности» Путина просматривалась вполне отчетливо.

Во-вторых, Коидзуми вместе со всем политическим «истэб-лишментом», похоже, сильно «пролетел» с убежденностью в прочности устных обещаний Путина, якобы данных Мори в Иркутске в 2001 году. Или Мори откровенно наврал (а что — язык-то без костей, к тому же чего не скажешь на пороге отставки? Почти что как в народном анекдоте: «Вань, а ведь ты же обещал на мне жениться?» — «Ну, Маш, чего только я *на тебе* не обещал!»), или же Путин туманно — в своей излюбленной манере — выдал ему порцию намеков «на то, чего не ведает никто», как выразался герой Лермонтова. А Мори по простоте душевной принял желаемое за действительное.

В-третьих, ставка на активное запугивание Путина неминуемой и неотвратимой угрозой китайской экспансии в Сибирь и на Дальний Восток, от которой можно спастись только помощью со стороны Японии, настолько откровенно «шита белыми нитками», что даже стыдно обсуждать ее как аргумент в серьезной политике. Впрочем, Китая, как видно, японцам было явно недостаточно, и они решили усилить свои «страшилки» сначала Южной Кореей, а потом и Северной. Как будто мы не можем договориться с Китаем и обеими Кореями без японского посредничества!

Итак, «зондирование» российской позиции правящей верхушкой Японии с помощью статьи в «Асахи симбун» ничего не дало. Представители МИДа России на этот раз предпочли оттол-

чаться и ограничиться заявлениями, что им ничего не известно о каких-либо переменах в позиции Японии по сравнению с ранее достигнутыми соглашениями.

Правда, пресловутая статья скорее всего имела не только внешний, но и внутренний смысл — Коидзуми явно озаботился значительным падением своего рейтинга летом 2004 г. по сравнению с первым временем после прихода к власти. Тень Мори явно витала над Коидзуми, хотя до «пипифакса» дело еще не дошло. Подыгрыванием крайне правым, оголтело националистическим силам Коидзуми надеялся поднять свой снижающийся рейтинг и укрепить престиж. Подтверждением подобной тактики премьера явилась целая серия публикаций в японской прессе заведомо экстремистского толка.

Так, упомянутая выше газета «Санкэй симбун» в августе 2004 г. разразилась передовой статьей, в которой яростно обрушилась на реплику российского посла в Японии А. Лосюкова, мимоходом сказанную в беседе с представителем партии Комэйто. Суть реплики сводилась к тому, что улучшение двусторонних отношений гораздо разумнее проводить на базе развития экономического сотрудничества, а не территориальных споров. Изображая Лосюкова эдаким исчадием ада, газета одновременно обвинила во всех смертных грехах свое Министерство иностранных дел за якобы преступную нерешительность в противодействии попыткам рос-

сийской стороны «отложить на полку» обсуждение территориального вопроса во время пребывания Путина в Японии. Для авторов редакционной статьи наступающий 2005 год представлял собой год 60-летия «незаконной оккупации» Советским Союзом «северных территорий», и поэтому они требовали в самой категорической форме: *«В преддверии этой годовщины японская дипломатия должна поспешно перейти в контрнаступление и положить в основу своих действий принцип: «мирный договор будет заключен лишь после возвращения четырех островов, и только после этого начнется интенсивное экономическое сотрудничество двух стран»»*. В том же духе выступил и целый ряд других средств массовой информации — как будто им всем одновременно выдали команду: «Голос!».

Но этим дело не ограничилось. Информационная война, как известно, активно ведется и психологическими средствами. Экстремистски настроенные элементы в августе-сентябре 2004 г. принялись носиться с затеей «инспекционного осмотра» премьер-министром якобы принадлежащих Японии «северных территорий». Поначалу этот «инспекционный осмотр» даже замышлялся в виде высадки Коидзуми на одном из оспариваемых японцами островов с последующей поездкой по всем южным Курилам. Этот номер не прошел — на неофициальный запрос японской стороны представители российского МИДа ответили, что подобное меро-

приятие «осложнило бы дальнейший ход переговоров двух стран». Понимай: Путин в этом случае в Японию не приедет, а дальнейшие поползновения подобного рода будут рассматриваться как нарушения государственной границы России со всеми вытекающими последствиями.

Поняли. Но не угомонились. «Инспекцию» южных Курил все-таки решили устроить, но не по суше, а по морю. Коидзуми явно «переплюнул» Путина, устроившего спектакль на спортивно-развлекательную тему во время визита в Токио.

Ранним утром 2 сентября на сторожевом катере Коидзуми направился к берегам Курильских островов в сопровождении большой группы политических деятелей и, само собой, репортеров. Приблизившись к границе российских территориальных вод, Коидзуми вооружился биноклем и, то и дело поднося его к глазам, принялся позировать перед репортерами, изображая горячий интерес к тому, что он видел на островах. Спектакль этот продолжался около 5 часов — почти в точности столько же, сколько знаменитый бой столетней давности 1 августа 1904 г. владивостокских крейсеров с эскадрой Камимуры. Продвигаясь с юга на север вдоль границы территориальных вод России, «команда» сторожевика силами неутомных репортеров старалась вовсю, выливая неимоверное количество грязи на нашу страну как «неправедного оккупанта», испаскудившего «исконно японские северные терри-

тории». Этот «репортаж», адресованный миллионам японских телезрителей и радиослушателей, представил собой мощную и чрезвычайно масштабную «нейролингвистическую накачку». При этом, конечно, не имело ровно никакого значения, что из-за густого тумана Коидзуми заведомо не мог ничего видеть на островах — то есть вся эта «инспекция» была чистейшим блефом.

Завершил свою «инспекцию» Коидзуми встречей с группой стариков-японцев, проживавших в довоенное и военное время на Курилах. Там он в лучших традициях «оси Берлин-Рим-Токио» заявил, что «заклучения мирного договора с Россией не будет без решения проблемы северных территорий» и что свой вояж в сторону Курил он предпринял «для того, чтобы японский народ глубже осознал: северные территории — это не проблема жителей Хоккайдо, это проблема всей страны».

Явная провокация со стороны высшего руководства Японии встретила сдержанную и уклончивую реакцию российского МИДа. Выразив «удивление» тем, что эта «инспекция» была предпринята в преддверии визита в Японию Путина, МИД посетовал, что вся эта история вызывает «болезненную реакцию» в России, но тем не менее снова проехался на давно охромевшей кобыле рассуждений о том, что-де территориальный спор двух стран требует дальнейшего продолжения, и его надо решать не так, как это делает японская сторона, а за столом переговоров.

Да нечего обсуждать ни за какими столами с таким дерьмом!

Тем не менее даже такая уклончиво-примирительная поза российских дипломатов привела Коидзуми в неистовство. Тень Мори продолжала над ним витать!

Рейтинг правительства и самого Коидзуми продолжал неумолимо падать — и вовсе не только из-за «северных территорий», которые все никак не становились японскими, но главным образом из-за экономических трудностей — «процветающая страна Восходящего Солнца» в начале третьего тысячелетия столкнулась с рядом кризисных явлений — да и по причине невыполнения правительством своих предвыборных обещаний по части административных и финансовых реформ. Г-н Коидзуми сполна почувствовал, каково быть во главе правительства при падающем рейтинге и наверняка втайне посочувствовал своему «партайгеноссе» Мори, превратившемуся в своей политической карьере сначала в «насредниновского ишака» с неестественной резвостью, потом в «хромую утку», а потом, увы, в традиционный для японских политиков «пипифакс».

Два года назад Коидзуми частично поддержал свой рейтинг с помощью «дела Судзуки». Теперь же он принялся лихорадочно перетряхивать весь кабинет министров по все тому же принципу «пипифакса», усиленно отодвигая применение этого принципа к своей персоне. Удалил Коидзуми с министерского поста и г-жу

Кавагути — якобы как не проявившую особых талантов в сфере дипломатии. На самом же деле она сделала для Коидзуми все, что могла, и больше из нее выжать просто ничего было нельзя — к ней был применен все тот же «принцип пипифакса».

Новым министром иностранных дел стал Нобутаке Матимура — на этот раз от услуг прекрасного пола Коидзуми решил отказаться. Похоже, он все-таки пришел к заключению, что «баба за рулем — это, как ни верти, обезьяна с гранатой», а Матимура — это не просто мужчина, а авторитетный деятель правящей ЛДП, видный специалист в области японо-российских отношений. Хотя бы потому, что он многократно избирался в парламент от Хоккайдо и долго подвизался в руководстве инспирируемого властями «движения за возвращение северных территорий».

Сразу же после своего назначения Матимура сосредоточил основное внимание на подготовке к предстоящему в 2005 г. визиту Путина в Японию. При этом он не уставал повторять направо и налево, что его главная задача — осуществление «прорыва» в российско-японских отношениях, т.е. окончательный «дожим» России на предмет уступки Японии южных Курил. Но вот *как именно* он собирается решать эту главную задачу, Матимура, похоже, держал в секрете — о намерениях Путина он равным счетом ничего не мог сказать. Вместе с ним полной ясности в выборе заветного пути на южные Курилы не было и у всей политической верхушки Япо-

нии. Но самое оригинальное — этой самой ясности относительно позиции Путина на предстоящих переговорах с японцами, похоже, не было и у российских дипломатов. Путин со своими туманными репликами оказался не более предсказуем, чем Ельцин!

Одним из заметных «аккордов» в российско-японском «дуде» стал форум в г. Канадзава в октябре 2004 г., где вроде бы каждый «дудел в свою дуду» — российская сторона усиленно уводила все разговоры в сторону от территориальных проблем, а японская — наоборот, все темы сводила к немедленному «решению вопроса о северных территориях». При таком «консенсусе», разумеется, никаких принципиально новых решений возникнуть не могло. Однако японцам все же удалось «протащить» определенный успех, основанный на невежестве российской стороны по части истории дипломатии.

Вместо выделения в предстоящем 2005 году таких юбилейных дат, как 100-летие окончания русско-японской войны (у японцев, по-видимому, хватило ума не особенно налегать на эту дату, чтобы не оскорблять патриотических чувств российской стороны) или 60-летие победы над фашизмом и окончания Второй мировой (здесь уже такт явно требовался от российской стороны), японцам удалось втянуть российских партнеров в поддержку юбилейных торжеств, затеянных в честь 150-летия Симодского трактата 1855 г., установившего двусторонние правила торговли и territori-

альные разграничения. Участники форума получили послание министра иностранных дел С. Лаврова, в котором оный трактат упоминался как «памятное историческое событие», установившее дипломатические и торговые отношения между двумя странами и по этой причине достойное всяческих похвал.

Похоже, Лавров (а за его посланием незримо присутствовало и мнение Путина) считал полезным через расхваливание Симодского трактата увести разговоры от территориальных вопросов и выпячивать вопросы экономические. Но такая позиция — свидетельство явного недомыслия.

Во-первых, сами по себе переговорные отношения с японцами Россия имела задолго до этого трактата — еще в 1790 г. на Хоккайдо (!), только начавшем осваиваться японцами, посланник императрицы Екатерины II поручик Лаксман вел переговоры с японцами об установлении добрососедских связей между двумя странами. Переговоры не дали ощутимых результатов — но не по причине российской неуступчивости, а по причине твердолобости японцев, проводивших политику самоизоляции страны от внешнего мира и видевших во всех иностранцах потенциальных врагов. В то время японцам было не до Курил — древние айны (или айну), населявшие не только Курилы, но и Хоккайдо, да и в значительной степени также Хонсю, были главным объектом геноцида со стороны японцев, а Курилы входили в состав Российской империи.

Не вредно вспомнить также, что российские землеосвоители угнездились к этому времени и на Аляске, и на Алеутах. Вся северная часть Великого Океана была тогда под российским влиянием. Достаточно взглянуть на официальный «Атлас Российской империи» издания 1796 г. — последнего года правления императрицы Екатерины.

Но! К сожалению, достаточных вооруженных сил, способных защитить российские тихоокеанские владения от агрессивных поползновений, у нас не было. Поэтому и в конце XVIII, и в первой половине XIX столетия японцы все чаще самочинно вторгались в эти районы, что приводило к конфликтам, перераставшим порой в вооруженные столкновения. Дальневосточные казаки — они-то и были теми самыми «землеосвоителями», перешагнувшими Тихий океан, — вели себя геройски, но их было слишком мало.

Переговоры, закончившиеся подписанием Симодского трактата, были отчаянной попыткой России в условиях Крымской войны (военные действия в которой разворачивались все более неблагоприятно для нас), отстоять дипломатическими средствами те земли, на которые бесцеремонно лезли японцы (Курилы и Сахалин).

Именно день подписания Симодского трактата (7 февраля) и отмечается в современной Японии как «день северных территорий», превратившийся в день демонстрации несогласия Японии с

итогами Второй мировой и ее решимости пересмотреть эти итоги. Сколько в этот день изливается всякой мерзости по отношению к нам (и не только от всякого фашиствующего хулиганья, собирающегося у стен российского посольства, но и от политических деятелей самого разного толка), лучше не комментировать.

И в то же время те же самые японские политиканы не устают изображать Симодский трактат как образец самого что ни на есть полюбовного соглашения двух стран и добровольного признания Россией территориальных притязаний Японии на южные Курилы и Сахалин. И российские дипломаты готовы делать то же самое — что явно следует из лавровского послания. Ну прямо как Сванидзе расписывает заслуги Витте в заключении Портсмутского мира!

Чего же такого уж «полюбовного» было в Симодском трактате?

Для японцев он, безусловно, был чрезвычайно симпатичным — под административный контроль Японии отошли все южные Курилы — те самые четыре острова, которые они жаждут заполучить сейчас в качестве «предварительного условия подписания мирного договора». Принадлежность Сахалина в трактате не была ясно определена, и японцы в дальнейшем продолжали заявлять на него свои претензии. Именно в этом и видят японцы главное достоинство Симодского трактата — он официально закрепил успехи Японии в ее посягательствах на российские земли.

А нам-то с чего торжествовать? Ничего почетного для нас переговоры с японцами в 1854-55 годах не представляли.

В декабре 1854 г. в Симоду в самый разгар Крымской войны прибыл на фрегате «Диана» вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин. Обстановка в тихоокеанских водах была весьма напряженной — английские и французские корабли усиленно бомбардировали Петропавловск-Камчатский, высаживали десанты на Камчатке и Курилах, нападали на русские суда в территориальных водах нейтральной Японии. Фрегат «Диана», проскользнувший в Симоду, постоянно находился под угрозой блокирования и захвата противником — вспомним, какие героические действия пришлось предпринять в сходной ситуации Ивану Изыльметьеву, командиру фрегата «Аврора». Но Изыльметьев не был излишне отягощен ответственной дипломатической миссией, в отличие от Путатина. Японцам это, разумеется, было прекрасно известно, и они полностью воспользовались отчаянным положением «Дианы» для давления на позицию русских на переговорах. Постоянные намеки на то, что как нейтральная страна они в любой момент могут потребовать разоружения корабля и интернирования экипажа, японцы подпускали именно для того, чтобы претензии на Курилы и Сахалин нечем было покрыть.

Однако Путятин поначалу достаточно искусно затягивал переговоры, показав себя весьма умелым дипломатом. Большую

поддержку в этом ему оказывали героические защитники Петропавловска. Сброшенные в море англо-французские десанты были как раз тем козырем, которым можно было при достаточном искусстве покрыть-таки японские наглые наезды на Курилы и Сахалин. Но — вмешались природные силы. В отличие от событий русско-японской войны, происходившей полвека спустя, бог Нептун в это время был не на нашей стороне. Сильный шторм и цунами, обрушившиеся на Симоду, настолько сильно повредили «Диану», что она затонула у японских берегов, несмотря на прямо-таки героические усилия экипажа спасти корабль (борьба с повреждениями, вызванными цунами, продолжалась почти месяц — с 11 декабря 1854 г. по 6 января 1855 г.). Стихия почти полностью уничтожила город Симоду — из более чем тысячи домов осталось шестнадцать. Точное число погибших осталось неизвестным — японцы имели строгий приказ властей не сноситься с иностранцами.

При всем том стихийное бедствие сблизило «товарищей по несчастью» — русские моряки, несмотря на собственное отчаянное положение, сразу же после успокоения ужасающих волнений отправили на берег доктора и офицера по особым поручениям К.Н. Посьета (впоследствии адмирала, министра путей сообщения, неутомимого исследователя Дальнего Востока, имя которого увековечено в городе в устье пограничной с Кореей и Китаем реки Туманная) для оказания помощи пострадавшим. Японцы не остались

в долгу — они старались оказывать нашим посильную помощь в спасении искалеченного корабля, присылали провизию, окружили фрегат целой флотилией джонок, помогая тащить его на мелкое место.

План спасения «Дианы» почти удался, хотя казался безумным — приделав временный руль взамен оторванного цунами и кое-как залатав многочисленные пробоины, максимально облегченный от пушек и всех возможных грузов корабль повели в соседнюю с симодской бухту Хэда, чтобы завалить там его на отмель для починки.

*Вице-адмирал флота Российской империи
граф Евфимий Васильевич Путятин*

Но Нептун будто издевался над моряками, готовыми на невозможное. После недолгого затишья ветер снова достиг ураганной силы, два дня несчастный фрегат колотило о камни; наконец, исчерпав все мыслимые и немыслимые возможности, люди с невероятными трудностями, по натянутому канату, под леденящим ветром, сквозь буруны, превращающиеся в ледяные глыбы, пере-

брались на берег. Японские джонки — около сотни! — разметало в разные стороны, и впору их самих было спасать, укрывая в маленьких бухтах. Всю ночь продолжалась отчаянная борьба уже за спасение людей, а корабль, оставшийся пустым, к утру затонул. Наш великий писатель И.А. Гончаров, описывая гибель «Дианы», сравнивал ее с агонией человека и не мог удержаться от слез.

Экипаж фрегата во главе с Путятиным оказался в полной зависимости от японских властей, без помощи которых миссия Путятинина не могла рассчитывать на возвращение на родину. Естественно, что в таком положении все козыри Путятинина оказались «вне игры». В результате ему пришлось не только признать южные Курилы (а с ними — и все незамерзающие проливы, позволяющие выходить из Охотского моря в Тихий океан) владением Японии, но и признать Сахалин чем-то вроде совместной российско-японской территории.

И это — «полюбовное соглашение»?

И тем не менее — японские инициативы по поводу совместного празднования 150-летия Симодского трактата нашли поддержку у российского МИДа и Кремля. Отмечать эту дату — практически такая же нелепость, как радоваться 100-летию Цусимы или 100-летию Портсмута.

*Территории, отошедшие к Японии
по Симодскому трактату 1855 г.*

Ну, Лаврову-то, похоже, назудели в уши всякой всячины все те же «японофильские» суфлеры мидовского толка. А Путин? Явно очаровался сходством своей фамилии с фамилией николаевского вице-адмирала. И всего-то разница — какие-то две буквы. Зато радости у японцев сколько! Можно при этом и не читать, что в трактате написано...

Масла в огонь подлило соглашение с Китаем, подписанное Путиным во время визита в Пекин в октябре 2004 г. По этому соглашению мы уступили Китаю три пограничных острова на реках Амур, Аргунь и Уссури. Общая площадь переданных Китаю земель составила 337 квадратных километров.

Ну чем не Путятин? Да только вице-адмирал-то находился в безвыходном, как известно, положении. А Путин?

Решение было абсолютно не согласовано с администрацией Хабаровского края, что вызвало естественную реакцию депутатов Хабаровской краевой Думы — они обратились в Москву, в Государственную Думу с призывом не ратифицировать это соглашение. Конечно, рассчитывать на положительный результат призыва дальневосточных депутатов в пропутинской Думе не приходится, но их мнение, отличное от административного «одобрямса», прозвучало.

Само собой, октябрьское российско-китайское соглашение тут же получило широкую огласку в Японии. Кто о чем, а вшивый — о бане. Японские комментаторы увидели в этом готовность Москвы решать территориальные проблемы путем уступок не только с Китаем, но и с Японией. Тон выступлений был практически одинаков для всех СМИ — дескать, в правительственных кругах Японии попытки Москвы ограничиться лишь частичными уступками территории южных Курил не найдут поддержки.

Ну не дурдом ли? Как будто *частичные* уступки — уже дело решенное, и вопрос только о *полных* уступках. Психологическая война — в разгаре, и объектом ее является не только российское, но и в гораздо большей степени японское общественное сознание.

К величайшему сожалению, не прошло и месяца после подписания пекинских соглашений, как японские «вопли из дурдома» получили определенное подтверждение российского МИДа.

14 ноября 2004 г. министр С. Лавров в телевизионном интервью заявил: «Мы хотим урегулировать отношения с Японией в полной мере. Для этого важно подписать мирный договор, в рамках которого должна быть урегулирована территориальная проблема».

Как будто это выступает не российский министр, а японский! Более того, заезженные формулировки явно свидетельствуют, что Лавров выступал не «от себя», а от «суфлеров» козыревской заправки. Чтобы опытный дипломат — и заявил, что «Россия всегда признавала наличие территориальной проблемы в отношениях с Японией» — надо быть или дураком, или прохиндеем, держащим за дураков тех, к кому он обращается. Тем более, что Лавров сделал упор на Декларацию 1956 года и подчеркнул, что Россия является правопреемником Советского Союза — так почему же он изволил забыть про документы 1960 года и всех последующих лет вплоть до горбачевских?

Почти 30 лет мы *не признавали никакой территориальной проблемы!* Так за кого же нас изволит держать г-н Лавров? Вся эта болтовня, если не выразиться покрепче, побудила собеседника Лаврова — тележурналиста «от демократии» В. Соловьева — гро-

могласно объявить с экрана о желании Москвы безоговорочно отдать Японии Шикотан и Хабомаи во имя подписания сакраментального «мирного договора».

Японский «дурдом» явно распространился на Россию! Лавровское телеинтервью выглядело настолько позорно, что Кремль в лице самого Путина поспешил «внести коррективы» в это выступление. Уже на следующий день — 15 ноября — Путин на заседании кабинета министров уделил особое внимание лавровскому «ляпсусу». В своей излюбленной «туманной манере» он, с одной стороны, одобрил выступление главы МИДа, с другой — высказал сомнение в готовности Японии к скорейшему завершению территориального спора. Вот что заявил Путин:

«Мы всегда выполняли и будем выполнять взятые на себя обязательства, тем более ратифицированные документы, но, разумеется, в том объеме, в каком наши партнеры готовы выполнять те же самые договоренности. Пока же, как мы знаем, нам не удалось выйти на понимание этих объемов так, как мы это видим и как это видели в 1956 году».

Прямо-таки не просто туман, а мощнейшая дымовая завеса! Да только вот — что за ней скрывается? То ли стремление успокоить соотечественников — дескать, не бойтесь за Курилы, мы ведем тончайшую дипломатическую игру, рассчитанную на то, что жесткая позиция японской стороны не приемлет предлагаемого Лавро-

вым компромисса. То ли стремление ублажить японцев — впервые открыто изъясняется готовность отдать два острова Малой Курильской гряды, т.е. Путин отходит от фигуры умолчания, которой он упорно придерживался в первый период своего пребывания в президентском кресле.

Фактически Путин предложил унижительный для России торг — мы согласны отдать вам два острова, обещанные Хрущевым, только откажитесь от претензий на все южные Курилы. После этого заявления трудно обзывать Мори лгуном на предмет загадочного устного обещания Путина в марте 2001 г. Похоже, что Путин и Лавров рассчитывали на одобрительные отзывы японской прессы в ответ на свои ноябрьские демарши. Дескать, вот с каким подарком Путин собирается ехать в Японию.

Увы! Уже 16 ноября Коидзуми заявил:

«До тех пор, пока ясно не определится принадлежность Японии всех четырех островов, мирный договор заключен не будет... Этот курс правительства останется неизменным».

Казалось бы — вот, наконец — в который уже раз! — российским властям представляется блестящая возможность сказать: «Катись колбаской по малой Спасской вместе со своим «неизменным курсом», вопрос о территориальной принадлежности Курил закрыт».

Нет! Снова многозначительные «умолчания», принятие вида озабоченности другими проблемами (ах, реформы, срочная необходимость ограбить пенсионеров и студентов под вывеской «монетизации льгот»), устроить окончательный развал системы образования и здравоохранения, устроить очередной «звон в лапоть» по поводу борьбы с коррупцией и беспределом криминальных структур), — и протаскивание «под сурдинку» все той же идеи непременной передачи Японии Шикотана и Хабомаи, только в одних вариантах за «крупномасштабные инвестиции в инфраструктуру, промышленность и человеческий (!) капитал Дальнего Востока» (держи карман шире!), а в других — за предварительное подписание Японией мирного договора (явное замыкание в мозгах, потерявших все извилины, кроме заднепроходной).

Несмотря на большой разницей в высказываниях оппозиции по поводу лавровско-путинских ноябрьских заявлений, определеннее и логичнее всех высказался депутат Госдумы от Сахалинской области, член фракции КПРФ Иван Ждакаев. Расценив заявление Лаврова от 14 ноября как нарушение Конституции и государственное преступление, он потребовал от генпрокуратуры возбудить уголовное дело против всех, кто пытается продавать нашу землю, а позицию МИДа, игнорирующую общественное мнение граждан России, назвал однозначно преступной. В сущности, весь МИД, вот уже 15 лет пытающийся заделаться государственными

преступниками, заслуживает отправки в места не столь отдаленные, а вместе с ним — и Кремль.

Опросы общественного мнения по поводу возможной передачи Курил японцам, проводимые различными организациями, упорно показывают, что большинство россиян отрицательно относятся к передаче нескольких Курильских островов. Например, опрос по 84 городам России (28 субъектов Федерации), проведенный Агентством региональных политических исследований, показал, что процент решительно протестующих устойчиво растет по мере продвижения на Дальний Восток. По Дальневосточному федеральному округу таких респондентов было 84% от опрошенных, тогда как одобрение (все под тем же соусом — «жрать-то надо») высказали не более 4% опрошенных.

Но что до этого мидовским «японофилам» — они-то как раз торчат среди этих 4%!

Обращение Сахалинского совета общественных организаций, опубликованное в газете «Южно-Сахалинск сегодня» как раз 15 ноября — одновременно с заявлением Путина — было адресовано именно Путину, поскольку сахалинцы не увидели заметной разницы между Кремлем и МИДом. В этом обращении Путин обвиняется ни много ни мало в государственной измене и нарушении положений Конституции РФ. В случае передачи курильских земель японцам сахалинцы оставляют за собой право призвать население

Сахалинской области (включающей Курильские острова) к гражданскому неповиновению и обратиться к Федеральному собранию РФ с требованием отстранения Путина от должности. Заканчивается обращение призывом:

«Мы призываем политические партии, общественные организации, всех, кто неравнодушен к судьбе России, кто согласен с нами, поддержать нас и проявить свою волю».

В том же духе обратились к Путину руководители профсоюза за рыбного хозяйства Приморского края, заявившие:

«Ставим перед Вами на предстоящих переговорах с японской стороной требование о неуклонном выполнении Конституции РФ в части сохранения целостности и неприкосновенности территории России, прекращения ревизии итогов Второй мировой войны».

Куда уж яснее?

Те не менее эти и другие обращения непосредственно к Путину не получили — во всяком случае, в официальных акциях — должного внимания.

Путин как ни в чем не бывало устроил дружескую беседу с Коидзуми 21 ноября 2004 г. во время конференции АТЭС в Чили, где шла речь о все том же его визите в Японию в 2005 г. Без всяких оговорок Путин изъявил готовность «позитивно отметить» 150-летие Симодского трактата (видно, ему никак не дает покоя

сходство его фамилии с графом Путятиным!). Однако в процессе обсуждения предстоящего визита все в той же форме «дымовой завесы» весьма смутно, но все же проявились признаки того, что полностью игнорировать общественное мнение граждан России Путин не решается.

Коидзуми услышал следующее:

«Российская сторона сможет обсудить конкретные даты визита Президента РФ в Японию тогда, когда на уровне министров иностранных дел будет достигнуто понимание того, чем конкретно этот визит будет наполнен, какую нагрузку он будет нести и какие соглашения могут быть достигнуты».

Блестящий пример «словоблудия»! Так и представляется знаменитое сражение Второй мировой между немецким линкором «Шарнхорст» и английскими кораблями, в котором весь бой шел в темноте (стояла полярная ночь), и немцы к тому же вывесили плотнейшую дымовую завесу, сквозь которую английские радары с величайшим трудом различали нечто непонятное. Когда завеса наконец рассеялась, то оказалось, что «Шарнхорста» на поверхности моря уже нет.

В России чилийская беседа Путина с Коидзуми не получила широкого освещения в прессе, в противоположность Японии. Практически все отклики японских комментаторов были выдержаны в тревожно-пессимистическом тоне. Очень уж не понрави-

лась японцам уклончивая позиция Путина в определении точной даты его приезда в Японию, а вдобавок и явное стремление ограничить переговоры только предложениями 1956 года о передаче двух островов — Шикотана и Хабомаи. Японцы узрели в этом во все не «жест доброй воли» по отношению к себе, а «проявление жесткой позиции, неприемлемой для Токио». Кроме того, японцев «достало» то, что Путин полностью проигнорировал Токийскую декларацию 1993 года, которую японцы изо всех сил подсовывали вместо декларации 1956 года.

Вернувшись в Москву, Путин завершил 2004 год еще более плотной «дымовой завесой» на пресс-конференции 23 декабря в Кремле. На вопрос касательно «компромисса» в территориальном споре и о дате поездки в Японию (причем японский журналист даже не интересовался более-менее точными сроками, а спросил — до или после 9 мая Путин собирается ехать), Путин выдал заявление, заслуживающее цитирования полностью:

«Прежде всего хочу сказать, что отношения с Японией у нас развиваются на мой взгляд, очень неплохо. У нас и товарооборот растет. У нас на политическом уровне регулярные контакты. И нас очень огорчает, что до сих пор не решен вопрос о мирном договоре, потому что и в японских национальных интересах, и в российских национальных интересах все проблемы, которые

мешают развитию наших отношений, следует «зачистить», и как можно быстрее.

Повторяю: уверен, что Япония заинтересована не меньше, чем Российская Федерация, имея в виду заинтересованность и России, и Японии прежде всего в развитии экономических связей. Что касается заявления нашего министра, то, насколько я видел, он не предлагал никаких островов (Аплодисменты).

А чему вы аплодируете? Он упомянул о Декларации 1956 года. А мы с господином Мори еще внимательно изучали эту Декларацию, и я хорошо помню, что там написано. Я стараюсь читать документы, с которыми мне приходится работать. Декларация 1956 года была, кстати, ратифицирована в Советском Союзе, была ратифицирована и в Японии. Поэтому, когда вы мне сегодня говорите: мы два острова не хотим, мы хотим четыре — для меня это несколько странно. Зачем было ратифицировать тогда? Российская Федерация является правопреемницей Советского Союза, и мы, разумеется, будем стараться выполнять все международные правовые обязательства, которые были взяты на себя Советским Союзом, как бы нам ни было тяжело.

Советский Союз получил четыре острова или, как у нас говорят, вернул четыре острова потому, что всегда считал их своими после Второй мировой войны.

Советский Союз подписал Декларацию 1956 года и ратифицировал ее. Там есть статья девятая, где написано, что обязательным условием возможной передачи двух островов является подписание мирного договора, что однозначно читается как урегулирование всех дальнейших территориальных споров. Если Япония ратифицировала эту Декларацию, почему сейчас японская сторона поднимает снова вопрос о четырех островах? Это во-первых.

Во-вторых я как человек с базовым юридическим образованием обращаю ваше внимание на формулировки. Там сказано о том, что Советский Союз готов передать два острова. Не сказано, на каких условиях передать, когда передать и чей суверенитет распространится на эти территории. Это все предметы для нашего тщательного изучения и совместной работы с нашими коллегами и, я бы сказал, друзьями японскими. Потому что, только имея вот такой уровень отношений, имея дружеский характер наших отношений, можно решать такие сложные проблемы, которые нам достались в наследство от прежних времен».

Суперзавеса! Куда там «Шарнхорст»! В таком дыму вполне можно спрятать целый флот. Да только вот как бы этот весь флот не отправился ненароком на дно.

Букет противоречивых и уклончивых высказываний Путина вызвал целую кучу догадок как в российской, так и в японской прессе.

Высказывания российской стороны характеризовались полярностью мнений. Патриотически настроенная оппозиция воскликнула: «Ничего японцы не получают!» (эх, ребята, вашими бы устами да мед пить!). «Радикал-демократы», естественно, завели свою любимую песенку насчет того, что Путин набивает цену, а продавать Курилы надо выгодно (эти и родную маму продадут, ежели покажется достаточно выгодно). Представители властных структур по обыкновению лезли в путинскую «дымовую завесу».

Японская сторона крайне обеспокоилась.

Конечно, Коидзуми и К^о постарались сделать вид, что все идет как надо (премьер изобразил удивление: ему-де непонятно, почему Россия не возвращает четыре острова, министр Матимура не вознамерился вдаваться в детали, чтобы не осложнять ситуацию, генсек кабинета министров Хосода решительно заявил о своем несогласии с Путиным — правда, учитывая «плотность» путинской завесы, в чем именно он не согласен с Путиным, понять было совершенно невозможно).

Что же до политических комментаторов, то их отзывы отдавали пессимизмом — нарочитую бодрость правящих деятелей они истолковали как «настороженность в отношении поведения Рос-

сии» и «тревожные размышления по поводу того, как на это реагировать». Более того, в японской дипломатии явно «проклюнулись» разногласия по поводу дальнейшего подхода к переговорам с Москвой. Надежды на то, что из Путина удастся, наконец, «вытрясти» четыре острова, явно оказались необоснованными. Но и касательно двух островов никакой определенности не видать. Вот завеса, так завеса!

Именно через такую «сверхплотную» завесу обе стороны «просочились» в 2005 год — год знаменательных юбилейных дат.

Вскоре после новогодних празднеств Матимура поспешил в Москву — зондировать обстановку.

Ничего нового на встрече с Лавровым он не произнес — все то же стремление убедить собеседника в непригодности декларации 1956 года и усиленное пропихивание в качестве базового документа ельцинской декларации 1993 года. То есть японцы демонстративно проигнорировали явное нежелание российской стороны поступаться четырьмя островами. Типичная «разведка боем» — в расчете на то, что Лавров попятится назад и примет в качестве предварительного условия заключения мирного договора «четкое заявление о принадлежности всех четырех островов Японии».

Однако Лавров, похоже, крепко «получил по ушам» за свое неуклюжее ноябрьское заявление, и теперь японские «наезды» его не смутили. Достаточно умело пользуясь все той же «дымовой за-

весой», он в тон японцам проигнорировал их стремление совать ему под нос Токийскую декларацию 1993 года и решительно выложил именно Совместную декларацию 1956 года. То есть возвращение Хабомаи и Шикотана возможно только после подписания мирного договора и должно рассматриваться как окончательное решение территориального вопроса. В этом отношении позиция российской стороны будет предельно ясна. Если же японская сторона не желает видеть окончательное решение вопроса в возврате ей двух островов, то наш ответ будет нулевым.

Лавров специально уточнил смысл «нулевого ответа»: «В случае, если Япония не отнесется к возврату двух островов как к окончательному решению вопроса, то никаких возвратов территорий вообще не состоится».

Все бы хорошо в этом заявлении — только вот слова о «возврате» свидетельствуют о том, что Лавров не может или не хочет вылезать из «ведьминого котла». Но даже такое заявление, похожее на — нет, не удар в челюсть сжатым кулаком по всем боксерским правилам, а шлепок по морде раскрытой пятерней с растопыренными пальцами, — дало заметный эффект: Матимура резко сбавил тон. На итоговой пресс-конференции после завершения переговоров он соизволил признать, что «территориальный вопрос не может быть решен на одном саммите и потребует нескольких двусторонних встреч в верхах». Правда, после этого он все же

«пустил любимые ветры» подобно своим предшественникам г-жам Танаки и Кавагути, заявив, что еще до заключения мирного договора необходимо «четко заявить о принадлежности всех четырех островов Японии», а само «заключение мирного договора необходимо», причем не в будущих поколениях, а для ныне живущих.

Г-н Матимура явно ощущал над собой «шелест пипифакса»!

Но по возвращении в Японию обнаружилось, что «пипифакс» для Матимуры пока что откладывается, потому как сам Коидзуми изволил также «уменьшить крутизну поворотов». «Это не та проблема, которую можно быстро решить» — заявил премьер на пресс-конференции у себя в токийской резиденции.

Спеси Коидзуми существенно поубавило и то, что Матимура по сути потерпел фиаско в определении сроков прибытия Путина в Японию. Лавров заявил ему: «Прежде чем определять эти сроки, нужно понять, каким будет наполнение повестки дня саммита».

По всей видимости, Лавров получил из Кремля указание «понять, чем наполнить саммит» в ходе своей предстоящей поездки в Японию, первоначально намечавшейся на март, а затем перенесенной на конец мая. То есть до празднования Дня Победы — 60-летия Великой Победы над фашизмом — никаких визитов даже на уровне МИДа, не говоря уже про уровень Кремля, не будет.

Что же произошло после визита Матимуры и заявлений Коидзуми на своей пресс-конференции такого, что ни Лавров, ни Путин не изобраили спешки в части поездки в «страну Восходящего Солнца»?

Во-первых, Матимура выступил на парламентской сессии у себя в Токио, где попытался в отчитаться о поездке в Москву. После пресс-конференций Матимуры в Москве и Коидзуми в Токио в Кремле исподволь надеялись, что в предстоящем визите Путина в Японию удастся увести разговор от хотя бы четырех островов к двум — и в этом случае затянувшаяся тягомотина вокруг Курил наконец закончится.

Почему эта надежда была связана именно с выступлением Матимуры в парламенте? А все дело в том, что японский парламент обладает несравненно большими властными полномочиями, чем, к примеру, российский. В той самой конституции, которую Япония приняла под давлением стран-победительниц (фактически США) в первые послевоенные годы, записано: *«Парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства»*. То есть без одобрения парламента никакое решение не может быть исполнено, кто бы его ни принимал — министры, премьер, даже микадо.

Заезженные фразы об «энергичном ведении переговоров с Россией» в части территориальных проблем, произнесенные Ма-

тимурой, нисколько не обрадовали парламентариев. Ему быстро задали ряд вопросов, высветивших противоречия между его «бодрячеством» и признаниями безрезультатности переговоров с Лавровым. В результате парламентарии оценили его работу как неудовлетворительную и потребовали занятия еще более жесткой позиции, чем та, с которой он отправлялся в Москву, а именно: включить в обсуждаемые на будущих переговорах вопросы не только южные Курилы, а «и другие северные территории».

Поэтому донесения российских дипломатов из Токио были полны пессимизма — дескать, намечавшийся «просвет» в территориальной тяжбе превратился в вовсе уж непроглядную темноту.

В самом этом тоне донесений так и отдает омерзительной вонью ельцинско-kozyrevских «ведьминых мешалок».

Какой такой «просвет» изволили узреть мидовские деятели в заявлениях Матимуры и Коидзуми на своих пресс-конференциях? Либо это самообман (и тогда нашу внешнюю политику продолжают направлять дураки), либо обман (и тогда там сидят сплошные мерзавцы, упорно рассчитывающие на выгодную продажу российских территорий, что есть государственное преступление. Депутат Иван Ждакаев в этом случае абсолютно прав. Но — у нашего парламента совсем не такие властные полномочия, как у японского — наследие позора «катастрофки»).

Во-вторых, 2 февраля в Токио состоялось второе заседание «Совета мудрецов», возглавляемого с российской стороны, как мы помним, московским мэром Лужковым, а с японской — экс-премьером Мори. Как и следовало ожидать, означенные «мудрецы» ничего стоящего не намудрили, кроме дублирования работы профессиональных дипломатов, только на куда более убогом уровне. Позиция российской стороны цеплялась за 1956 год, а японской — за 1993. То же, что и на встрече Лаврова с Матимурой. Вершиной «мудрости» явилось итоговое выступление Лужкова: «Если нынешнее поколение руководителей Японии и России не может решить эту проблему, то пусть она останется для будущих руководителей наших стран».

Блеск! Куда там — глубокомыслие французских Людовиков с их сакраментальным «после меня хоть потоп»!

Правда, «польза» для позиции Кремля и МИДа все же из этой встречи могла быть извлечена — дескать, курс на уступку японцам двух островов был принят не «келейно», а с согласия наиболее авторитетных и именитых людей.

Да вот только «авторитетность» российских «мудрецов» слишком уж сильно отдает той самой «мимикрией» слов и понятий, которая стала основой атомизации общественного сознания — как «хавающему пиплу», так и «образованщине» усиленно вгоняется в самую «глыбь» сугубо криминальный смысл слова «автори-

тет», молчаливо предполагая его толкование на языке блатного мира. А на место, которое это слово занимало раньше, упорно всовывается насквозь фальшивое французистое «престиж».

Так что радости от поддержки кремлевско-мидовской позиции «авторитетами» во главе с Лужковым, ей-богу, немного — здесь наши главные «пиарщики» пали жертвой своих собственных усилий в информационной войне.

В-третьих, 7 февраля общественная организация «За неотделимость российских восточных территорий» провела акцию протеста у генконсульства Японии в Южно-Сахалинске. Митинг был созван по поводу «дня северных территорий», который отмечался в этот день в Японии с особой помпой — как 150-летие пресловутого Симодского трактата.

Все-таки, «торжества» в России совместно с японской вакханалией состоялись, правда, несколько, не в таком ключе, в каком о них толковали на встречах с японской стороной Путин и Лавров.

Участники митинга выразили решительный протест против притязаний Японии на острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Малую Курильскую гряду, и потребовали от Министерства иностранных дел адекватных действий в отношении Японии.

В митинге впервые приняли совместное участие представители КПРФ, ЛДПР, партий «Единая Россия», «Народная воля», региональных отделений «Молодежного единства», «Родины» и дру-

гих объединений. В резолюции, принятой участниками митинга, сказано:

«Мы, участники митинга, решительно заявляем, что не принимаем никаких новых нереальных японских условий. Мы предлагаем правящим кругам Японии одуматься, перестать ворошить тяжелое (прежде всего — для самой Японии) прошлое, начать предпринимать реальные шаги по установлению с Россией добрососедских отношений, свободных от каких бы то ни было предварительных условий — и тем самым способствовать разрядке создаваемой Японией международной напряженности».

Эта резолюция прямо отвечает выступлению Коидзуми на «Дне северных территорий», где он снова заявил, что Япония не станет подписывать мирный договор с Россией, пока не будет разрешен спор о территориальной принадлежности четырех островов Курильской гряды.

В-четвертых, 22 февраля нижняя палата японского парламента приняла свою резолюцию, официально закрепляющую неодобрение результатов отчета Матимуря о поездке в Москву. Вместе с трафаретными призывами «к возвращению» южных Курил в нее был добавлен призыв к возвращению «и других северных территорий» без конкретизации, что понимается под «другими северными территориями».

Такое демонстративное хамство в ответ на склизкую и туманную позицию Кремля и МИДа выглядит, в общем, закономерно.

Никакая «дружба» в буржуйском гадючнике, по большому счету, невозможна. И тем более нельзя ее купить ценой раздачи российских земель.

Кстати, эта подлая резолюция была, по всей видимости, не случайно принята в канун Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота — дня, который не может не напоминать наследникам микадо-самурайских устремлений об итогах Второй мировой. Пусть этот день переименован теперешним режимом — для всех, кому дорога честь Отечества, он сохраняет свой настоящий смысл.

В-пятых, Коидзуми — видимо, под влиянием парламентских и прочих инсинуаций — изображал усиленные кривляния по поводу либо участия, либо неучастия в торжествах по случаю 60-летия Великой Победы в Москве. Как известно, приглашение на таковые получили руководители всех стран — участниц Второй Мировой, хотя бы самое непродолжительное время участвовавших в войне против Германии и ее союзников. Япония же, будучи союзником Германии и активным участником Второй мировой с противоположной стороны, вроде бы не имела резона участвовать в торжествах 9 Мая. Приглашение, полученное Коидзуми от Пу-

тина, вполне можно было бы истолковать как жест доброй воли и стремление к установлению добрососедских отношений, независимо от событий Второй мировой. Но можно было бы истолковать и иначе — как демонстрацию неизбежности итогов войны и предложение забыть о территориальных претензиях.

Так что и в этом политическом шаге Путин умудрился снова выпустить «дымовую завесу», заставившую Коидзуми блуждать впотьмах. Но ведь и нам разгуливать впотьмах — никакого удовольствия не приносит!

В-шестых, 10-11 апреля по Китаю прокатились массовые антияпонские манифестации, участники которых били стекла в японском посольстве в Пекине и в консульствах в других городах, а также в универмагах, торгующих японскими товарами. Побили и нескольких попавшихся под руку японских студентов.

Антияпонские демонстрации в Китае в апреле 2005 г.

Поводом для манифестаций послужило одобрение японским министерством просвещения очередной редакции скандального учебника «Новая история». Вдохновившись идеей трактовать прошлое страны «без мазохизма», его авторы попытались максимально смягчить оценку военных преступлений японских милитаристов. В частности, зверства японцев образца 1937 года, когда погибли 300 тысяч китайцев, они именуют «инцидентом, во время которого погибло много людей».

Китайцы, как видно, не забыли 1937 год! Да и 1900-й — тоже.

«Японцам следует сделать гораздо больше для установления взаимного доверия и добрых отношений между двумя государствами», — сказал по поводу случившегося представитель китайского МИДа.

Разумеется, выступления 10-11 апреля имеют куда более глубокий смысл, чем недовольство учебниками истории. Китай постепенно возвращает себе все утерянные им сто лет назад земли — и делает это достаточно целеустремленно и методично. Не педалируя своего статуса великой державы, Китай вовсе не приветствует японских амбиций в ООН, где наследники самураев с одобрения США лезут в постоянные члены Совбеза. Совершенно не устраивает Китай и решение Японии участвовать вместе с США в защите Тайваня от возможных силовых акций континентального

Китая по возврату острова под законную принадлежность. Пекин рассматривает «тайваньскую проблему» как сугубо внутреннюю: для него это вопрос национального суверенитета, и «гарантии безопасности», предоставленные Тайваню со стороны японцев вслед за американцами, рассматриваются как прямая угроза суверенитету КНР.

Надо признать, что Коидзуми отреагировал на китайские выступления с похвальной оперативностью. Уже 23 апреля премьер встретился с китайским лидером Ху Цзинь-тао в рамках азиатско-африканского саммита в столице Индонезии.

После встречи Коидзуми сказал журналистам, что остался очень доволен результатами переговоров. В свою очередь Ху Цзинь-тао высказал пожелание, чтобы две ведущие страны региона решали все вопросы посредством диалога.

Кто кого перехитрит? Восточная дипломатия в действии.

По всей видимости, предметом обсуждения явились тайваньский вопрос и итоги Второй мировой (хотя первый вопрос является частью второго). Ху Цзинь-тао также отметил, что Японии нужно следовать обещанию не поддерживать независимость Тайваня — следовательно, такое обещание со стороны Коидзуми было дано. Кроме того, Коидзуми перед журналистами воздел глаза к небу и произнес: «В прошлом японское колониальное правление и агрессия привели к огромному ущербу и страданиям народов многих стран, особенно азиатских наций. Япония смотрит в лицо этим историческим фактам со смирением».

Насколько сделанные заявления соответствуют действительности, можно всячески предполагать. Но безусловно то, что позиция Китая оказывает на Японию большее влияние, чем любой другой страны — даже США, поскольку обещание Коидзуми невмешательства в тайваньские дела прямо противоречит данному ранее под давлением американцев.

По всей видимости, заявление Коидзуми на встрече в Джакарте весьма насторожило «дядюшку Сэма», и из Вашингтона последовал окрик в адрес Токио, поскольку японцы вскоре фактически сорвали программу официального визита в Японию вице-премьера КНР У И.

В понедельник, 23 мая, должна была состояться встреча У И с Коидзуми. Однако в выходные дни японский премьер демонст-

ративно посетил токийский храм Ясукуни, в котором захоронены японские военные преступники, казненные по приговору Токийского трибунала 1948 г.

Китайская сторона немедленно отреагировала на эту провокацию: председатель Ху Цзинь-тао уже в воскресенье заявил о возможности ухудшения отношений с Японией, если ее руководство не прекратит посещения храма Ясукуни. Это заявление послужило сигналом для У И к немедленному прекращению визита и отбытию в полдень 23 мая на родину, не встречаясь с Коидзуми. Японский «харизматик» получил отчетливый плевок в физиономию!

Чтобы японцы не заблуждались относительно причин срыва переговоров, представитель китайского МИДа Ган Цю-ань во вторник сделал еще одно заявление, в котором прямо говорилось: «К нашему глубочайшему сожалению, во время пребывания в Японии вице-преьера У И японские руководители неоднократно высказывались о посещениях пресловутого храма Ясукуни, что идет вразрез со стремлениями улучшить китайско-японские отношения». Вдобавок он выразил «крайнее недовольство» правительства КНР таким отношением.

Заметим: китайское руководство встретилось вовсе не со стремлением пересмотреть итоги Второй мировой, а всего лишь с

ритуальной церемонией! Но и этого было достаточно, чтобы указать наглой «гейше» ее надлежащее место.

На следующий день генсеку правящей Либерал-демократической партии Хироюки Хосода пришлось на пресс-конференции давать вертлявые объяснения: «Наша цель — устранить все существующие между Японией и Китаем проблемы и развивать наши отношения, а не комментировать без конца чьи-то слова, чтобы эти комментарии в свою очередь кто-то комментировал».

Но за словесной трескотней не скрыть того факта, что с великой державой — Китайской Народной Республикой — нельзя обращаться так, как если бы это была дряхлая империя Цин или чанкайшистский Гомиьдан. Какой хороший пример для нас!

России нельзя забывать, что Китай — главный покупатель нашего оружия. На приобретение современных самолетов и кораблей он тратит ежегодно больше миллиарда долларов. Не будем забывать также и о судьбе недостроенного тяжелого авианесущего крейсера «Варяг», проданного китайцам на металлолом — можно ли представить больший уровень издевательства над нашей героической и драматической военно-морской историей? — но не пущенного китайцами на слом, а поставленного в качестве блокшива. А кто сказал, что китайцы заведомо не захотят достроить его и

ввести в состав своего ВМФ? Это вам не российские «радикал-деРьмократы», готовые продавать что угодно...

Еще недавно, когда казалось, что модернизация армии не является важнейшим приоритетом Китая, в Вашингтоне и Токио на российско-китайское военное сотрудничество смотрели сквозь пальцы. Если же Китай действительно станет позиционировать себя как великую державу, ситуация может существенно измениться.

Так что полуторамиллиардный гигант расправляет плечи, и если Россия упустит шанс наладить с ним союзнические отношения (в чем безусловно есть взаимная стратегическая заинтересованность), то это может обернуться самыми дикими последствиями.

Итак, события весны 2005 года вполне убедили Кремль и МИД не спешить с визитами в Японию. Это, между прочим, немедленно проявилось в поведении японского «харизматика» — Коидзуми приехал-таки на празднование Дня Великой Победы 9 Мая. Конечно, он тащил с собой как свои резоны, так и американские «накачки» — все «почетные гости» на празднике, как с Востока, так и с Запада стремились «подвести черту» под Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, определившими послевоенное устройство мира. В наиболее концентрированной форме это выра-

зил, разумеется, Джордж Буш, прямо на параде 9 Мая заявивший, что Соединенные Штаты отвергают Ялтинские соглашения.

Такое откровенное хамство заставило возмутиться даже западных политических комментаторов — так, 19 мая в газете «Джапан таймс» появилась статья бывшего австралийского дипломата, а ныне вице-президента Международного университета Акита Japan Times Грегори Кларка с любопытным названием «Советские уступки в Ялте».

Ничего «сенсационного» Кларк в ней не сообщил — он просто пристыдил своих коллег с Запада и Востока — не случайно же он руководит международным университетом, ведающим делами Японии — делающих вид, что Ялтинские соглашения содержали уступки Сталину, но на самом деле они были как раз переполнены уступками *со стороны Сталина*.

В самом деле, реалии февраля 1945 года означали контроль Советского Союза не только над Восточной Европой, но и фактически над Грецией, Турцией, Ираном, Финляндией, Австрией.

Вступление Советского Союза в войну против Японии также имело место не по собственной инициативе, а по настоятельным просьбам союзников — это было одним из ключевых вопросов Ялтинской конференции.

Кларк прямо-таки издевательски пишет: *«Англоцентристское зрение стопроцентно, когда речь идет о его собственных*

уступках, но оно резко падает, когда речь заходит об уступках противоположной стороны. У наших японских друзей та же проблема, и не случайно».

В самом деле, после подведения итогов по справедливости — т.е. по факту военных действий — под влияние СССР должны были подпасть как Сахалин и Курилы, так и Маньчжурия, весь Корейский полуостров (а не только его северная часть до 38-й параллели), а также остров Хоккайдо.

Заметим, что это подчеркивает вовсе не российский, а сугубо западный политический обозреватель!

Так что вполне резонно было бы — ежели уж поднимать разговоры об отмене Ялтинских соглашений — поставить вопрос об административном контроле России как правопреемника СССР над всеми указанными территориями. То есть не то что мусолить вопрос о «северных территориях» Японии, а передать под российскую юрисдикцию Маньчжурию, всю Корею и Хоккайдо!

Грегори Кларк прямо называет уступки СССР в Ялте «последним оскорблением» СССР со стороны союзников, перечисляя предыдущие — ликования в Лондоне и Вашингтоне по поводу нападения Германии на СССР; многократные нарушения обещаний об открытии второго фронта в Европе, замешенные на стремлении ослабить СССР ужасающими потерями в борьбе с фашистской Германией один на один; наконец, само открытие второго фронта

в 1944 г. — с целью не ускорения разгрома Германии, а перекрытия пути Советской Армии в Европу.

Между прочим, по справедливости следовало бы пригласить г-на Грегори Кларка на работу в российский МИД — вот тогда можно было бы надеяться, что варево из «ведьминого котла» будет наконец выплеснуто к соответствующей матери!

То, что Курилы до сих пор все еще остаются российскими, никоим образом не является заслугой российских руководителей внешней политики, превративших незаконно навязанную нам тягомотину вокруг «северных территорий» в постоянную тему переговоров с японцами по любому поводу.

В первую очередь за это надо благодарить безнадежно тупых и жадных «наследников Мэйдзи», отказавшихся принять от Кремля подарок в виде Шикотана и Хабомаи (кстати, почему эта группа островов малой Курильской гряды упорно именуется в официальной прессе России именно как «Хабомаи», т.е. по-японски, хотя у нее есть вполне нормальное русское название: острова «Плоские»?) в расчете на неизмеримо бóльшие территориальные приобретения. Дай бог, чтобы эта тупость и жадность продолжала задавать «главное направление» японской внешней политики по крайней мере до 2008 года.

В книге известного российского политолога Игоря Латышева «Путин и Япония: будут ли уступки?», проникнутой тревогой о

судьбе российского Дальнего Востока, по этому поводу прямо сказано:

«Авось тогда в России движение в защиту Курил станет более действенным, чем сейчас, а на смену нынешним неуверенным в себе руководителям внешней политики придут люди более твердые в отстаивании территориальной целостности своей страны».

Продолжая вариться в «ведьмином котле», ничего не остается, как полагаться «на авось». Но, возвращаясь на сто лет назад, мы слишком хорошо видим, что значит это самое «авось».

Положение на Дальнем Востоке сегодня — это капсуль детонатора, над которым постоянно занесен молоток провокаторов. Если большинство россиян сегодня не осознает важности ситуации и не примкнет к движению в защиту Курил, то в ближайшее время мы столкнемся с распадом всей страны и фактическим исчезновением России с карты мира. Сегодняшние проамерикански и прояпонски настроенные политики усиленно объединяются и создают новые группировки с целью завоевания президентского кресла на выборах 2008 года. Для них Путин — это не та фигура, которая обеспечит им желаемое «врастание в мировое сообщество», разумеется, за счет российских природных богатств и российских государственных интересов.

Даже Путин — с его бесконечными «дымовыми завесами», «паузами» и «передышками» с целью затягивания переговоров!

Страусы, прячущие голову в песок, являются, как известно, легкой добычей как для хищников, так и для браконьеров, хотя ударом ноги они вполне способны вышибить дух и из тех, и из других.

Национальные интересы России настоятельно требуют твердости и ясности в части отпора любым территориальным притязаниям и решительного прекращения позорного «обсуждения вопроса о принадлежности» Курильских островов. Это требование лучше всего было выражено в выступлении трех бывших руководителей военно-морских сил страны — адмиралов В.Н. Поникаровского, Л.Д. Чернавина и В.М. Храмцова, опубликованном в газете «Советская Россия» 17 февраля 2005 г. Ветераны-моряки адресовали свое обращение высшим руководителям — Путину, Фрадкову, председателям обеих палат Федерального собрания. Голос совета народа, звучащий в этом обращении, воскрешает российских героев-моряков всех времен, не жалевших ничего — и самой жизни — ради интересов России.

Адмиралы поставили высшее руководство страны в известность о том, что они «присоединяют свой голос к голосу миллионов русских людей с выражением протеста против проявления

действий во внешней политике руководителей государства, направленных на урезание территорий нашей Родины».

Далее без излишних витиеватостей говорится:

«Заявление руководителей МИДа РФ о готовности рассмотреть вопрос о передаче Японии группы островов Малой Курильской гряды, в частности, островов Плоские (в японском названии Хабомаи) и Шикотан, считаем провокационным, ведущим к пересмотру итогов Второй мировой войны, разрушению международно-правовой основы Крымской конференции (Ялта, 4-11.02. 1945 г.) и Берлинской конференции (Потсдам, 17. 07. 1945 г.) союзников по антигитлеровской коалиции, а также к грубейшему нарушению Сан-Францисского мирного договора 1951 года».

Адмиралы дали вполне адекватную оценку возне с Декларацией 1956 года:

«Считаем, что ссылка правительственных чиновников на необходимость выполнения обещания Н.С. Хрущева (1956 г.) является необоснованной и абсурдной, так как заявление тогдашнего главы государства об отказе на суверенитет над частью Курильских островов было им сделано в прямом противоречии с Указом Президиума Верховного совета СССР от 2 февраля 1946 г., которым объявлялось, что с 20 сентября 1945 г. вся земля южной части острова Сахалин и Курильских островов «являются государственной собственностью, т.е. всенародным достоянием». Ре-

шение Н.С. Хрущева было необдуманном, авантюрным, волюнтаристским и, по существу, преступным актом. К тому же оно утратило свою силу в 1958 году, так как Япония не выполнила своих обязательств по выводу со своей территории американских военных баз».

Комментарии к этим словам, право же, излишни.

Завершается обращение предупреждением, буквально распинаящим всю политику теперешнего российского руководства:

«Передача Курильских островов — это... непоправимая ошибка в большой стратегии, по существу – предательство интересов государства».

Напоминаем, что большая стратегия – это искусство использования политических, экономических и других сил для достижения конечных общегосударственных целей. «Оправдано» такое действие может быть только в одном случае: если конечной общегосударственной целью является окончательный развал и уничтожение России как суверенного государства...

В связи с вышеизложенным обращаемся к вам, стоящим у государственного «штурвала», с предостережением не делать громаднейшей стратегической ошибки. Попробуйте осознать и подумать не только о настоящем, в котором, возможно, некоторым из вас не дают «спокойно спать» лавры будущего Нобелевского лауреата за укрепление мира (как это случилось, например с

последним руководителем Советского Союза), но, и, проявив по-настоящему стратегическое мышление, заглянуть в будущее.

Передача Японии первых двух островов Курильского архипелага неизбежно может привести и, безусловно, приведет к последствиям, трагическую сущность которых для Родины нетрудно предсказать».

Нет, не смолкли залпы порт-артурских орудий, несмотря на прошедшие сто лет. Всегда будет жалок и ничтожен забывший завет адмирала Макарова:

«Помни войну!»